

Александр
Степанов

ПОВЕСТИ
О ВИС И РАМИНЕ

Волгодонск
2021

84 Рос 6

С 79

Степанов А.В.

Повесть о Вис и Рамине / Александр Владимирович Степанов. – Волгодонск : Самиздат, 2021. – 260 с.

Книга «Повесть о Вис и Рамине» – стихотворное переложение известного романа грузинского писателя конца XII века С.Тмогвели «Висрамиани». За основу принят перевод с древнегрузинского Соломона Иорданишвили.

**Светлане Пасечник (Степановой) -
первому читателю этой повести**

ПОВЕСТЬ О ВИС И РАМИНЕ

1. Вступление к повести о Вис и Рамине

Жил в Персии владетель Хорасана
прославленный по всей земле султан,
платили дань ему народы все и страны,
не подчинялся только Аспаан.

И вот однажды собрались вельможи,
чтобы сказать: «Божественный султан,
начни войну, а мы тебе поможем
занять и обезглавить Аспаан.

А если кто противиться посмеет
велению твоему, пусть божий гнев

искоренит зарвавшихся злодеев —
мужей, детей, и стариков, и дев».

Султан впитал совет в себя и вскоре,
собрав войска, отправил их на бой.
Врагов разбив, по суше и по морю
они вернулись в целости домой.

И на поклон к могучему султану
поверженные прибыли цари,
дарили яхонты, посуду и кафтаны
и прочие несметные дары.

Чтоб наконец-то насладиться миром
и отдохнуть от трудных ратных дел,
он в Аспаане посадил вазира,
чтоб за порядком тот в стране глядел.

Вазир однажды повстречал Пахпура,
любителя и знатока наук,
а также знатока литературы
и всех наречий, что звучат вокруг.

Сказал ему: «Послушай, друг любезный,
ведь ты не зря гранит науки грыз,
мне интересно, что тебе известно
про повесть о Рамине и о Вис?»

Пахпур ответил: «Эту повесть знаю, рассказанную мудрыми людьми, она прекрасна, словно девы рая, а сложена на древнем пехлеви».

Вазир сказал: «Тебя, Пахпур, как друга, хочу о славном деле попросить не сможешь ли ты мне в часы досуга ту повесть на персидском изложить».

«Весть о Рамин и Вис по всем державам галопом скачет на лихом коне. Я расскажу о них и часть их славы наверняка достанется и мне».

2. Сказ о Вис и Рамине и о старшем брате Рамина шахе Моабаде

Жил некогда великий и могучий шах Моабад, владетель многих стран, его войска, как грозные тучи, заняли некогда Ирак и Туркестан.

Его боялись ханы в Хорасане, царил во всех иранских городах, и даже на краю Земли, в Хойстане, он вызывал признание и страх.

Со всех сторон к нему стекалось золото,
и серебро, и камни, и булат.
Вазиром первым он назначил брата
(о нём речь впереди), и звали брата Зард.

Шах Моабад всегда любил веселье,
ценил своих друзей, застолье, муз,
он с детства свято помнил день рожденья
и славный праздник праздников – новруз.

В тот день с утра прибыли к Моабаду
цари из всех ему подвластных стран,
их жёны в ярких шёлковых нарядах
и много сотен знатных горожан.

Со всех сторон ему подарки слали:
каменья, золото, оружие, ковры.
Их было столько, что верблюды пали,
перевозя несметные дары.

В шатрах цветных, среди садов фруктовых
уселись гости. Словно на парад
взирает на царей, на знать, учёных
сам шахиншах великий Моабад.

И всё же чаще взор свой обращает
могучий шах на тех, кто краше всех,

чьи лица, станы, взгляды обещают
сокровища из чувственных утех.

Шах Моабад всегда любил красавиц,
он любовался нежной красотой,
в честь них он произнёс немало здравниц,
всех одарил несметною казной.

Прекраснолицая Шахро благодарила
от имени всех дам за щедрость и приём.
Ответил шах ей: «Я для розы милой
готов всегда ночным петь соловьём.

Не ведай никогда, Шахро, печали,
я вижу, ты уже не молода,
но девичья краса и юность не увяли,
ты, как и прежде, яркая звезда.

Мне жаль, конечно, но моей женою
не можешь ты войти в мой царский дом,
но породниться я готов с тобою
и ты, красавица, помочь сумеешь в том.

Я думаю, что дочь твоя породой
такая же красавица, как мать,
и я бы с радостью великой и охотой
хотел бы в жёны дочку твою взять.

Мы проживём с ней в счастье до могилы,
на зависть всем мы будем долго жить.
Не надо мне небесного светила,
жена мне будет день и ночь светить».

Прекрасная Шахро ответила на это:
«О, государь великий, царь царей,
ты был бы самый лучший зять на свете,
но нету у меня, к несчастью, дочерей.

А ежели рожу, тогда, клянусь короной,
тебе я сразу весточку подам,
и коль захочешь сам, то тут же в жёны
я дочь тебе немедленно отдам».

И поклялась царю жена Карана
навек запомнить этот разговор
и, не подумав, подписала странный,
но всё-таки серьёзный договор.

Шах Моабад с красавицей царицей
не лучшие затеяли дела:
на нерождённой он взалкал жениться,
она сосватала, кого не родила.

Они тогда не ведали, что горе
обрушится на головы их вскоре.

3.

Прошли года, словно одно мгновенье,
а с ними беды, будни, чудеса,
забылись обещанья, серой тенью
казались сказанные прежде словеса.

Но вот дошли до шаха как-то слухи
через доносчика и верного посла,
узнавшего из первых уст – от повитухи,
то, что Шахро девчонку родила.

Все говорили, что её утроба –
сверкающий алмазами восток,
родивший солнце самой высшей пробы –
благоуханный солнечный цветок.

И дочь Шахро так радостно светила,
что мрак ночной стал белым, как нарцисс,
и радовались все и нарекли светило,
как пожелала мать, – принцессой Вис.

И тут, читатель, рассказать вам надо,
что в те же дни, как чистый турмалин,
родился брат у шаха Моабада,
его назвали близкие Рамин.

Рамин и Вис, не зная друг о друге,
росли в одной стране. Тогда никто не знал
ни в семьях их, да и во всей округе,
что рок суровый им предполагал.

И полюбил шах Моабад Рамина,
словно отец рождённого им сына,
воспитывал его, судьбу благодаря,
словно наследника, а в будущем царя.

4. Письмо, посланное кормилицей Вис к Шахро, матери Вис

«Я удивляюсь, ты мне отдала
на воспитанье ту, что родила,

прошло уже немало зим и лет,
а от тебя ни слов, ни денег нет.

Не сердце, камень у тебя в груди,
прибудь скорей, на дочку погляди.

Она как сокол гордый рвётся ввысь,
боюсь, ты не узнаешь свою Вис.

Росла она и в неге, и в тепле
так, как растут принцессы на земле,

но я уже не в состоянье дать
всё то, что ей необходимо взять.

Мне трудно угодить принцессе Вис,
ведь у неё на каждый миг каприз,

не нравится ей вкус еды, питья,
чем накормить уже не знаю я.

С одеждой тоже за бедой беда,
не нравятся ей платья никогда.

То шёлк ей нужен с ниткой золотой,
а то бродат роскошный дорогой.

Не угодишь, всегда ей нужен цвет,
которого в природе даже нет.

Даю ей жёлтые – она швыряет их:
«Такие платья только для больных».

Даю ей белые и нежные, как пух,
она мне тут же: «Платья для старух».

Вот синие, синее васильков,
она мне: «Синий разве что для вдов».

Вот розовый. И снова: «Нет и нет,
для падших женщин это лучший цвет».

И за столом чудит обычно Вис,
ей подавай лишь золотой сервиз,

и чтоб прислуживали сто иль пятьдесят
прислужников, наряженных в брокат,

и чтоб сидели за обедом с ней
девицы из заслуженных семей.

Устала я от девичьих причуд,
и ей постыл, наверно, мой приют.

Красива твоя дочка, словно рай,
но только ты скорее приезжай

и забери её к себе домой,
пусть радует семью небесной красотой».

Она письмо вручила скороходу
и указала цель его похода.

Когда письмо дошло до адресата,
Шахро гонцу вручила дар богатый,

царицы, как известно всем, щедры
на ласку и богатые дары.

И в тот же день послала в Хузистан
за дочерью богатый караван,

он так же вёз кормилице добро –
каменья, золото и серебро.

Так бережно с заботой привезли
Красу Вселенной из чужой земли

и передали матери родной
здоровой, крепкой, главное, живой.

5. Вис привозят из Хузистана в город Хамиан

Царица рада, дочка снова с ней,
нет новости приятней и важней,

увидев же лицо её и стать
она смогла ещё счастливей стать.

Шахро молитвы богу вознесла,
богатства тут же нищим раздала

и посадила дочь свою на трон,
как требовал того закон.

И там блистала красотой она,
как будто Солнце или же Луна.

А мать её, как любящая мать,
как куклу, стала дочку наряжать.

И в ход пошли и мускус, и амбра,
и кучи благовонного добра.

Однажды мать сказала ей одной:
«На свете нет красавицы другой,

чтобы красой могла затмить весь свет,
но и мужей достойных в мире нет,

которые годятся мне в зятя,
об этом, дочка, точно знаю я.

Поверь, но я не спятила пока,
чтоб отдавать тебя за чужака,

решила я, – продолжила Шахро, –
отдать тебя за брата, за Виро.

Ты стань невесткой мне, родная дочь,
а я молиться буду день и ночь,

чтоб сыну стала ты родной женой.
Такой вот выбор перед богом мой».

Вис покраснела, как цветущий мак,
не выразив согласие никак,

но мать-царица поняла, она
в родного брата тоже влюблена.

И повелела разослать гонцов,
чтоб пригласить великих мудрецов,

астрологов, чтобы от них узнать,
когда день свадьбы можно назначать.

И в тот же миг с посланием гонцы
помчались дружно в разные концы.

А мать-царица властная Шахро
вложила руку Вис в руку Виро,

сказала им: «Послушайте меня,
ведь вы друг другу больше, чем родня,

в вас кровь одна, одна у вас и мать,
зачем тогда невесту украшать,

если её давно украсил бог,
никто украсить лучше бы не смог.

Приданое, считаю, не нужно,
вы двое – составляете одно».

И так общались, не боясь греха,
свекровка-мать, зять-сын и дочь-сноха.

6. Свадьба Вис и брата её Виро и прибытие Зарда, посланца и брата Моабада

Кто дерево посадит вкривь и вкось,
надеясь на авось или небось,

то очень скоро, очень скоро все
увидят кривизну во всей красе.

О том, что будет скудный урожай,
весною по цветенью узнавай.

Вот точно так же всякая беда
видна с рождения почти всегда.

Судьба принцессы и судьба Виро
знать о себе дала, когда Шахро

детей своих соединила руки,
чем их и обрела она на муки.

В тот самый миг вдали явилась тень,
и туча чёрная закрыла напрочь день,

пыль по земле, как вороны, летит,
то скачет чёрный, словно ночь, джигит.

И был тот всадник Моабада брат
и звали брата Моабада – Зард.

Сказал он: «Мчал я, чтоб тебе отдать
письмо, Шахро, изволь-ка прочитать».

Она прочла, краснея от стыда
и чувствуя, пришла сюда беда,

ещё прочла, что грозный Моабад
рождению Вис был несказанно рад.

А между прочим, вот оно само
с печатью шаха грозного письмо:
«Не забывай, Шахро, о небесах,

Бог должен быть всегда в людских
сердцах,

ты Божьим именем дала обет
и перед ним одним держи ответ.

Ты не забыла, тридцать лет назад
царица – ты, и я – шах Моабад

составили великий договор?
Он в силе остаётся до сих пор.

Шахро, я просьбу выскажу одну,
пускай оставит Вис свою страну

и едет тот же час в Морав, ко мне,
царицей будет Вис в моей стране.

Тебя, Шахро, великий ждёт почёт,
жизнь проведёшь в довольстве, без забот.

И сына твоего, Господь не даст соврать,
до смерти буду братом называть».

Шахро читать закончила едва,
как затряслась от страха голова:

шутить не будут Бог и Моабад.
Позор и стыд. Но как вернуть назад

всё то, что уже сделала она,
уж больно велика её вина?

Вис оглянулась, видит, мать дрожит.
«Дрожать уж поздно, – дочь ей говорит. –

Я не пойму, ну как же ты могла
просватать ту, кого не родила?

Видать, Господь лишил тебя ума,
что наварила, то хлебай сама».

Потом она к посланцу подошла,
«Ты кто такой?» – окликнула посла.

«Меня послал великий Моабад,
я брат его и имя моё Зард».

А Вис ему обидные слова:
«Пусть пожелтеет он, как в зной трава.

Дурной обычай есть у вас в стране:
бесстыдно свататься к чужой жене.

А ты – глупец или совсем слепой –
не видишь пир у нас идёт горой.

Здесь гости знатные со всей страны,
ни ты, ни брат им вовсе не нужны.

Спасибо матери моей Шахро:
невестка – я, а зять – мой брат Виро.

А ты скачи, тебя никто не звал,
и брату передай, что он нахал –

безумный и дряхлеющий старик,
видать, о Боге думать не привык,

а лишь мечтать о девах молодых.
Я не хочу, чтобы такой «жених»

был на слуху моём, хоть иногда.
В Морав я не поеду никогда.

До смерти рядом будет муж Виро
и мать моя заступница Шахро.

Пока есть кедр, до скончания лет
искать мне бузину желанья нет».

Услышал эту речь премудрый Зард
и, повернув коня, помчал назад.

Он ехал день и ночь и вот примчал
туда, где брат, пославший его, ждал.

«О, Зард, скажи ты лев или лиса?»
«Пусть сохраняют тебя, брат, небеса.

Враги твои отправятся пусть в ад
и никогда не сыщут путь назад.

Пусть будет всё у них – одна беда,
их солнце – смерть, земля же – без плода.

Я был в стране, куда ты посылал,
там праздник был, я свадьбу там видал.

Вис восседала, рядом с ней Виро,
вини во всём коварную Шахро.

Её поступок – непрощённый грех.
Нам надо наказать её и тех,

кто вместе с ней смеялся над тобой,
иначе ждёт тебя позор большой.

Мы все рабы, но положишь на нас,
мы выполним тот час любой приказ».

И Моабад не стал терпеть позор.
Огнём вспылал его орлиный взор,

по разным странам разослал гонцов
с призывом присылать ему бойцов.

И собралась бесчисленная рать,
готовая хоть с чёртом воевать.

7. Шах Моабад отправляется войной на Виро

Шах Моабад врагом стал для Виро
и матери его родной Шахро.

Но у Виро на свадьбе тоже были
вельможи, что всегда ему служили.

Они там веселились, пировали,
и возмутились сильно лишь узнали,

что к ним идёт гнилой какой-то шах,
чтоб разрешить проблемы на мечях.

И вот уже бойцы из Хузистана,
Астрабахра, из Рана и Гелана

и из других далёких городов
пришли, чтоб бить непрошенных врагов.

И рать была настолько велика,
что столько нет песчинок у песка.

А во главе – могучий паладин
Виро – Шахро с Караном зять и сын.

Шах Моабад покинул свой Морав,
он свято верил в то, что он был прав,

а потому в сердцах взмахнул рукой,
что означало: скоро будет бой.

Пыль поднялась над войском, как стена,
попрятались и Солнце, и Луна.

Шли в гневе Моабатовы войска,
и хоть была дорога не легка,

никто не смог бы задержать лавину,
что горы может превратить в равнину,

а на равнине понаставить гор,
каких никто не видел до сих пор.

И наконец сошлись две стороны,
мгновенье оставалось до войны.

8. Великая война между шахом Моабадом и Виро

И только солнце спрыгнуло с кровати,
построились для боя обе рати –

богатыри, воспитаны войной,
готовые ввязаться в жаркий бой.

Забили барабаны тут и там,
поднялся шум, и крик, и вой, и гам,

и ужас полетел во все концы,
что задрожали даже мертвецы.

Бойцы рванулись в бой вперёд, вперёд,
как ураган, пугающий народ.

Напор бойцов настолько был силён,
что задрожал от стонов небосклон,

и гибли люди от кровавых ран.
Так губит листья злобный ураган.

А трубы выводили песнь свою,
оплакивали умерших в бою.

О воины, для вас смертельный бой
казался лишь жестокою игрой,

в которой можно бить и умирать
и лишь нельзя постыдно проиграть.

В игре той стрелы были, как гонцы,
летающие в разные концы.

Они спешат к тому, кто их не ждёт
то в в голову, то в грудь, а то в живот.

Можно мечом, как молнией, сверкать,
он может ловко души изымать:

ударит меч и через тот проём
душа уходит следом за мечом.

До ночи не стихал тот ураган.
Погиб отец Виро и Вис Каран

и с ним сто тридцать боевых друзей –
великих государственных мужей.

А сколько пало рядовых солдат,
о том анналы наши умолчат.

**9. Здесь рассказывается об осаде
Моабадом крепости Виро и передаётся
речь Вис**

Когда до Вис дошли о битве слухи,
она стенала, билась, словно мухи,

попавшие на смерть в паучью сеть,
не ведая как жить, как умереть.

Она не смела приподнять лица,
оплакивая павшего отца,

она печалилась, вдруг муж и брат
с войны дорогу не найдёт назад.

«Несчастный мир, несчастная семья,
но всех несчастнее, по-видимому, я,

как мне увидеть милого Виро,
за встречу с ним отдам своё добро,

как мне избавиться от злого старика,
хотелось бы узнать наверняка.

Ах, если попаду во власть я Моабада,
то это будет пострашнее ада.

Там лишь беда, одни враги вокруг
и ни родных, ни близких, ни подруг».

Но тут пришла от Моабада весть:
«О солнце солнц, не забывай, что есть

предначертанье божие, судьбой,
поверь, мы тесно связаны с тобой.

И эту вот божественную нить
никто не может просто так развить.

Прошу тебя, моя принцесса Вис,
судьбе своей, как Богу, покорись.

И если станешь ты моей женой,
то будешь главной над моей казной.

Я правду говорю, свидетель Бог,
осыплю золотом от головы до ног.

Пока я жив, душа, клянусь, одной
останется во век у нас с тобой».

Вис посчитала злом такую весть,
поползновением на её честь,

и, разозлясь, ответила гонцу:
«Ты передай тупому наглецу,

что как мужчина для меня он пшик,
уж лучше смерть, чем этакий мужик.

Виро красавец, кедр его стан,
а Моабад – дряхлеющий болван.

Из крепости своей я ни ногой,
когда умру, приедете за мной.

Я никогда его женой не стану,
я гибель не прощу отца Карана.

Из-за того, что он пошёл войной,
не довелось мне стать Виро женой.

Как я могу отдаться старику?
Уж лучше я повешусь на суку.

Я молода, но Бога чту, а он –
безбожный шут и гнусен, и смешон.

И передай ещё, я не могу
отдаться телом подлому врагу».

Посланник быстро прискакал назад,
всё передал, и грозный Моабад

от радости едва ли не плясал,
когда о Вис он главное узнал,

что девственна она, ещё цела,
и тем ему надежду подала.

А вышло так, когда Виро с супругой
должны были отправиться в кровать,
то оказалось, что они друг друга
не смели по закону познавать.

В тот вечер Вис – увы – была больной,
Бог женщин наградил такой судьбой.

Вот так Виро и не досталась Вис,
всего лишь непредвиденный каприз,

а мужу ни невеста, ни жена.

А тут война, за ней ещё война,

и смерть отца Карана, как на грех,
не до любви им тут, не до утех.

У шаха Моабада брат был Зард,
гордился им великий Моабад.

Второй был брат по имени Рамин,
он Моабаду был как будто сын.

Он их позвал и свой секрет раскрыл,
он в тайну сердца братьев посвятил.

Зард промолчал, Рамин же сразу сник,
он сам хотел лелеять тот цветник.

Нахмурия брови, шаху он сказал:
«Напрасно учиняешь ты скандал,

твоею Вис не будет никогда,
и ждёт тебя не радость, а беда.

На солонцах посеешь, так и знай,
погибнут семена и урожай.

Остановись на этом рубеже,

она – молодка, ты – старик уже.

Ты осень поздняя, она – весна,
вас сочетать – напиться до пьяна.

Допустим, приведёшь её в свой дом,
как станешь жить бок о бок ты с врагом,

мстить будет Вис до самого конца
за смерть её любимого отца.

Жениться хочешь – только оглянись,
принцесс на свете много, кроме Вис».

Но Моабд не слушает совет,
желанней и милее женщин нет.

Любовь пылает у него в крови,
и нет спасенья от такой любви.

Сказал тогда он тайно брату: «Зард,
нет для меня уже пути назад,

желанье сердца как мне утолить,
чтобы себя позором не покрыть?»

И Зард ответил: «О мой господин,

есть верный путь, и он всего один.

Коль хочешь Вис, отдай своё добро,
пошли каменья с золотом Шахро.

Ей все блага на свете обещаю,
и славой, и величьем соблазняю.

Ещё скажи, что есть на свете Бог,
он грешников не пустит на порог.

Кто клятву преступил – спасенья нет!
Как перед Господом держать ответ?»

Такой совет для шаха, словно мёд,
письмо к Шахро он без задержки шлёт.

10. Письмо Моабада к Шахро

«Ввергаешься в бесчестье ты, Шахро,
нет, кроме мира божьего, миров,

которые должны мы почитать,
тогда и Бог нас будет уважать.

Ты Богом поклялась, свидетель – свет.
Прошло всего каких-то тридцать лет,

а ты уже забыла договор,
грех на тебе и на всю жизнь позор.

Не подчинишься если, прокляну
и разорю дотла твою страну.

Но если в мире жить захочешь ты,
забудь вражду, и все твои мечты

исполнятся, ты только пожелай,
я на земле для вас устрою рай.

Как только же друг друга мы поймём,
Виро я сделаю большим царём,

а ты сама возглавишь весь Хойстан,
принцессе Вис отдам я Хорасан.

И будет нам услада и покой,
и жизни не захочется иной».

Письмо закончив, Моабад собрал
богатства все, что прежде наживал,

навьючил их на резвых скакунов,
верблюдов крепких, мулов и ослов,

и это всё – хрусталь и серебро,
каменья, золото послал Шахро.

Когда Шахро увидела дары,
то ум её умчал в тартарары,

ну, а когда в права вступила ночь,
она не пожалела свою дочь,

а Моабладу в руки отдала,
что прежде пуще глаза берегла.

Лишь оказалась Вис в чужих руках,
знаменья появились в небесах.

Ночь опустилась, словно мавр, черна,
попрятались и Солнце, и Луна.

Телец и Овен в страхе перед Львом
дрожали, словно их ударил гром,

а Лев сидел, молчал, но видел он,
как корчится от боли Скорпион.

Хвостатый Рак – дурная голова –
с упрёками накинулся на Льва,

а Близнецы обнялись и лежат,
как будто разом умереть хотят.

Весы сломались, а Стрелец от мук
не может натянуть, как надо, лук,

и Рыбы невзначай попали в сеть,
как Козерог в расставленную клеть,

и вырваться на волю им не в мочь,
а Водолей в глухую эту ночь

в колодец тьмы нечаянно упал
и воду лить на землю перестал.

А злая Дева держит виноград,
который источает смертный яд.

В такой вот страшный и тревожный час
шах Моабад невесту получил,
а с ней дурные знаки от светил,
что означает гневный божий глас.

Да не пошлёт Господь такой удел
любому, кто жениться захотел.

Вис посадили слуги в паланкин,

помчали быстро, ветер лишь один

едва-едва за ними поспевал,
хоть и на миг в пути не отдыхал.

11. Виро узнаёт о похищении жены и оплакивает её

Когда услышал о беде Виро,
что сотворили Моабад с Шахро,

он бил себя, одежду разорвал,
лишился чувств и замертво упал.

Когда очнулся, поспешил домой,
надеясь встретиться ещё с женой.

Увы, увы! быстрее был Моабад,
он ускакал, забрав с собою клад,

который был дороже всей страны,
так он ценил достоинства жены.

Скорбел Виро, ругал сестру и мать,
он понимал, что просто потерять,

а вот найти или вернуть назад

уже нельзя. Коварный Моабад

мог веселиться по пути домой –
он обладал и солнцем и луной.

Но в те часы никто ещё не знал,
что Бог Рамину предопределял.

12. Рамин влюбляется в Вис

Через пустыню – океан песка –
домой шли Моабодовы войска,

а с ними Вис и грозный Моабад
и братья шаха и Рамин, и Зард.

Однажды ветра налетел порыв,
на миг какой-то паланкин открыв,

где Вис сидела, и в тот самый миг,
как солнца луч сверкнул девичий лик,

как молнией пронзило небосклон,
и этим видом был Рамин сражён.

Огонь любви такую страсть разжёт,
что Солнце утром так не жжёт восток,

Рамин упал, лишился чувств и так
лежал он на земле, словно бедняк.

Его пытались в чувство привести,
но средств лечебных не смогли найти.

Случилось что, чем заболел Рамин?
Гадали все, и тысячу причин

попутчики могли предположить,
одно не знали, как его лечить.

Лежал он долго, не имея сил,
но Бог однако милость проявил,

вернул ему сознание и ум,
но не избавил от тяжёлых дум.

Когда же сел он снова на коня,
по-прежнему сгорал он от огня,

а жемчуг слёз катился по щекам...
Не дай же бог такую участь нам.

Путь был далёк, Рамин на всём пути
никак не мог покой приобрести.

Вздыхал и плакал, говорил себе,
стена о нерадостной судьбе:

«О хоть бы раз, хотя бы лишь на миг
я смог увидеть тот чудесный лик,

или она услышала б мой вздох,
или увидела, как я иссох,

как пожелтел, как плачу, знать, беда
пришла ко мне негаданно сюда.

А если б Вис досталась как-то мне,
не наяву, хотя бы лишь во сне,

я б отогрел её своим огнём
и жизнь была б как мёд для нас вдвоём».

Затем корил безумные мечты:
«О чём, глупец, мечтаешь все ты,

где ты видал и от кого слышал,
чтоб смертный солнце к сердцу
прижимал?

Уж очень ценный захотел ты приз –
приблизиться к принцессе Вис.

Надеешься напрасно, небеса
не каждый день являют чудеса».

Желанье сердца остужал Рамин,
пытался и шутить, и веселиться,
не вышло, он глядел на паланкин,
и путь казался горькою темницей.

13. Свадьба Моабада и Вис

Когда вернулся Моабад домой
с невестой, своей будущей женой,

весь город был украшен, весь в цветах,
все жители встречали, шахиншах

был весел и доволен, словно в рай
попал на крыльях счастья невзначай.

Молодожёнов так народ встречал:
кто, не жалея, златом осыпал,

кто победнее сыпал серебро
или другое ценное добро.

Скажу я к слову, из того добра

возникла среди города гора,

народ на улицах и площадях
купался в золоте и жемчугах.

И только Вис одна в опочивальне
была осенних сумерек печальней,

а по душе шёл скорби караван,
и тело пожелтело, как шафран.

Ей говорили: «Отдохни, не плачь
всё образумится, пойдёт на лад».
Но сохла Вис, как старый карагач,
не видел радости и грозный Моабад.

14. Причитания и плач кормилицы о похищении Вис

Весть до кормилицы дошла о том,
как Моабад похитил Вис, врагом

он стал и для неё, и в тот же миг
из глаз её пролился слёз родник.

И в причитаньях и в её мольбе
были слова обидные судьбе:

«О, светлая и полная луна,
ты для царей великих рождена,

ведь ты юна ещё и ты слаба,
за что ж тебе жестокая судьба

несладкий уготовила удел,
ты как гранат, который не созрел,

а кто-то беспощадный его рвёт,
чтобы набить прожорливый живот.

Мне будет день не в день и ночь не в ночь,
если тебе я не смогу помочь».

И снарядив огромный караван,
она пошла с бархана на бархан,

с такыра на такыр* то вверх, то вниз
туда, где горем умывалась Вис.

Когда же прибыла она в Морав,
то опечалилась, принцессу не узнав,

* Такыры - плоские глинистые понижения в пустынях

сидела та в крови вся и слезах,
в одежде рваной, рваных башмачках

и посыпала голову золой
и выглядела мертвенно больной.

«О милая, – кормилицы слова, –
ты успокойся, отдохни сперва,

зачем ты проливаешь свою кровь,
её не стоит ни одна любовь.

Ты не пеняй напрасно на судьбу
и не пытайся с ней вести борьбу,

ведь ты жена великого царя,
так что терзаешь душу свою зря.

Пойми, пожалуйста, Виро, твой брат
не славен так, и он не так богат,

как муж твой превеликий шахиншах,
довольно слёзы лить, пойми, в слезах

ни радости, ни счастья нет как нет,
послушайся меня, мой ясный свет.

Всему причиной на земле – лишь Бог,
благодари его, что он помог

закрыть перед тобой простую дверь
и распахнул ворота, ты теперь

царица, для которой нет преград,
порадует пусть сердце Моабад.

Ты смейся, улыбайся, говори,
твоё лицо прекраснее зари,

своди мужчин и юношей с ума,
но оставайся умницей сама».

Сказала Вис кормилице в ответ:
«Не по душе мне этакий совет,

он – дерево пустое без плода,
в нём мало пользы, много же вреда.

Я не хочу, кормилица, царить,
и с Моабадом я не стану жить.

Мой трон – земля, а пир мой плач и стон
от нынешнего дня до похорон.

С Виро была я роза без шипов,
к груди прижать он был всегда готов,

сейчас же я не роза, а шипы,
я не боюсь презрения толпы».

Кормилица умна, в ответ ей так:
«Пускай глаза мои закроет мрак,

но ты свои, красавица, раскрой
и посмотри, что сделалось с тобой,

сидишь в грязи, не смотришь на людей,
а люди говорят: «Что надо ей?

Она грязна, груба, не чтит народ,
к тому ж глупа и на лицо урод.

Что отыскал в ней грозный шахиншах,
всегда в тоске, унынье и слезах?

Покажется жизнь долгой и дурной
с такой вот неотёсанной женой».

Кормилица продолжила: «О, Вис,
помойся в бане, в платье нарядись,

надень корону и взойди на трон,
он для тебя, тебе дарован он».

Вис слушала кормилицы слова
и поняла, кормилица права,

пора уже капризы прекратить,
судьбу свою уже не изменить.

И вот она уже взошла на трон,
увидел шах, возрадовался он,

послал ей драгоценностей ларцы,
которые со всей страны купцы

не успевали подвозить сюда,
чтоб не было печали никогда.

Казалось Вис немного ожила,
но скорбь из сердца всё же не ушла.

15. Как Вис и кормилица сковали мужскую силу Моабада

Умоляла кормилицу Вис:
«Ненавистна, постыла мне жизнь,

чем терпеть каждый раз эти муки,
на себя наложить легче руки.

Лучше смерти не вижу услад
до того мне постыл Моабад».

А кормилица ей: «Буду рада
я тебе хоть немного помочь,
околдую царя Моабада
на год, месяц, могу и на ночь.

А когда с ним захочешь любиться
я зажгу тогда вновь вам сердца,
не захочешь – бессилие длиться
может вечно, считай, до конца.

Пока чары в земле и во влаге
шах лишится и сил, и отваги,

ведь вода гасит пыл у мужчин,
будь дехканин он иль властелин.

Убеждала кормилица Вис:
«Через месяц пройдёт твой каприз,

и полюбишь тогда Моабада
и сама будешь этому рада.

Вис прослушала всё со вниманьем
и решила пройти испытанье.

Может, так бы оно и случилось,
но вмешались небесные силы

и осыпали мёд сулемой.
За день до истечения срока
тучи скрыли небесное око,
хлынул ливень отвесной стеной.

Все поля захлебнулись от влаги,
реки вздулись, не зная преград.
Уносили деревья, коряги,
огороды, дома, виноград.

Разрушались напором теченья
города и другие селенья.

Землю, где был зарыт талисман,
тоже смыло водой в океан.

И остался, увы, Моабад
навсегда без любви и услад.

Притча:

Стала Вис для Моабада драхмой богатея,

на которую бедняк смотрит, сатанея.
Смотрит так же, сидя в клетке,
лев голодный на ослон,
что идут спокойно мимо,
не боясь его клыков.

Моабад ещё жив, но конца
ждёт, завидуя всем мертвецам.

Вместо радости горечи сталь
на смех – гадам, друзьям – на печаль.

Ложе то, о котором мечтал,
стало хуже, чем тёмный подвал.

Ночью Вис забиралась в постель,
но была далека, не дойти,
словно глазом незримая цель,
как конец годового пути.

В горе вряд ли поможет мольба,
всем на свете владеет судьба.

Есть два мужа у Вис, видит Бог,
но никто овладеть ей не смог.

Ни Виро и ни шах Моабад

не нарушили девственный сад.

Так судьба поступает всегда:
вслед за радостью ходит беда.

Вис и в холе и в неге росла,
её имя и честь от позора
охраняла ночная Луна
от разбойных людей и от воров.

Красотою затмила всех Вис
на щеках её розы-румяна,
стан девический, как кипарис,
тело тоже её без изъяна.

Но, читатель, на строчки гляди:
горе ходит уже впереди.

Вис, Рамин и колдунья, и шах
будут плавать в кровавых слезах.

И никто из обычных людей
мук не видел больней и страшней.

16. Сказ о любви Рамина

Рамин, влюбившись, порастратил ум:
лишился сил от слёз он и от дум,

всегда искал укромный уголок,
где в одиночестве поплакать бы он мог.

Он днём не спал и ночи напролёт
молил у Бога счастья наперёд.

Он убегал в пустыню от людей,
словно онагр* пугливый от зверей.

Увидев где-нибудь высокий кипарис,
он представлял перед собою Вис.

А если розу находил в саду,
срывал её, садился на крыльцо
и целовал весь день, словно в бреду,
считая розу девичьим лицом.

Он собирал фиалки на лугах
и вспоминал о девичьих глазах.

Он так вздыхал, что даже в самый зной,
дыханье холодило как зимой.

Словно свеча, без видимых причин
сгорал в любви измученный Рамин.

*Онагр – дикий осёл

Он жизнь свою ценил ни в пол гроша,
казалось, миг – и улетит душа

туда, где нет страданий и забот,
где Бог несчастных милосердно ждёт.

Все, кто Рамина на пути встречал,
жалел в душе и счастья желал.

Он как-то раз бродил словно в бреду
и повстречал кормилицу в саду.

Они словно подруги обнялись,
и началась для них другая жизнь,

пошёл неспешно нужный разговор,
о чём молчал Рамин до этих пор.

Сказал Рамин: «О, как ты мне нужна,
ты мне помочь сумеешь лишь одна,

двух женщин здесь я волен почитать:
Вис – повелитель, ты – родная мать.

Тебе, как матери, скажу о том,
что сердце Вис мне разожгла огнём,

сегодня в ночь, а может быть, к утру
без Вис я обязательно умру».

В ответ ему кормилица: «Рамин,
мне Вис, как дочь, а ты мне словно сын.

Я буду счастлива, поверь, тогда,
когда мимо детей пройдёт беда,

а потому будь счастлив и здоров,
но стерегись любовных катастроф,

и не вини в своих страданиях Вис —
нельзя хулить Луну и кипарис».

«Из-за любви меня покинул ум,
и я горю от страсти и от дум,

хожу, как тень, порою же в бреду
хочу найти себе приют в аду.

Прошу тебя, прошу тебя, о мать,
надежду мне на счастье подать.

Скажи возьми красавице луне,
пусть душу повернёт свою ко мне.

Скажи: «Рамин почти что не живёт,
он без тебя, скорей всего, умрёт,

ты подари ему один лишь взгляд,
и станет он, как шахиншах, богат».

«Напрасно ты безумствуешь, Рамин,
мой ненаглядный наречённый сын,

Вис для меня не просто Вис, а дочь,
так что гони свои надежды прочь.

Как только сосны станут говорить,
она тебя полюбит, может быть».

Услышав эти горькие слова,
Рамин себя не схоронил едва,

но всё ж остыл и на колени пал.
«Родная мать, – стеная он сказал, –

Бог так велик, но ты хоть согласишься
мне показать лицо принцессы Вис,

при случае попробуй обо мне
хоть что-то рассказать красавице луне».

Он горько зарыдал, и эта мать
легла с ним без стыда в одну кровать.

И было им настолько хорошо,
как будто ангел в сердце им вошёл.

«Рамин любимый, я не молода,
но буду верной я тебе всегда,

я помогу исполнить твой каприз,
не я то буду, значит будет Вис».

«О дорогая, отведи беду,
я от тебя спасение лишь жду,

не знаю я, где день, а где уж ночь,
скажи, когда покажешь свою дочь?»

«Ох, – милый мой, – кормилица в ответ, –
я не хочу желаньям твоим бед,

ты каждый вечер приходи сюда,
я буду ждать, мой сын, тебя всегда».

Кормилица с Рамином обнялись,
поцеловались раз и разошлись.

17. Кормилица, покинув Рамина, приходит к Вис

А Вис рыдала: где Виро, где мать,
чтобы её могли бы поддержать,

но тут как раз кормилица пришла
и говорить с принцессой начала:

«О милая, ведь ты же не больна,
красива ты, как полная Луна,

так почему же ты всегда лежишь,
всё плачешь и ни с кем не говоришь?

Твой тонкий стан, как стройный кипарис,
согнулся, словно лук, вставай же, Вис».

Вис через слёзы ей дала ответ:

«Нет счастья у меня и жизни нет,

мне каждый день приносит лишь печаль,
мне потому себя ничуть не жаль.

От слёз моих здесь всё мокрым-мокро,
а по ночам мне снится брат Виро,

целует он мне руки и глаза
и затихает горести гроза,

и сердце начинает биться вновь,
его питает радостью любовь.

Но лишь проснусь, а брата рядом нет,
и мне постылым делается свет».

«О дорогая, свет моих очей,
послушайся кормилицы своей,

для радости есть множество причин,
и много есть вокруг тебя мужчин,

которые не хуже, чем твой брат,
они источник всяческих усад.

Они, как звёзды, но среди них один,
как будто месяц, звать его Рамин.

Он лучший воин, храбрый, словно лев,
сражает равно, что врагов, что дев.

Но только сердцем он к тебе прирос
и также выплакал немало слёз.

Он шаха Моабада младший брат,
чему, я думаю, не очень-то он рад.

Гляжу на вас и думаю о том,
что хорошо бы видеть вас вдвоём».

Вис поднялась и гневно говорит:
«Важней всего у человека – стыд.

Как ты могла мне предложить порок,
какой и враг бы предложить не смог?!

Ты мать моя, а я тебе как дочь,
как дочери ты мне должна помочь,

но ты меня толкаешь на разврат,
на ту дорогу, что приводит в ад,

а я иду по божьему пути.

Так что проси Рамина прочь уйти».

Всё поняла кормилица, она
сказала Вис: «Судьба тебе дана

от Господа, один лишь Бог
поведать может, кто хорош, кто плох.

Ну а тебе судьбу не изменить,
смеяться будешь или слёзы лить».

«Кто сделал зло, получит много зол,
никто ещё судьбу не обошёл,

и первой будет мать моя Шахро,
что в жёны отдала меня Виро,

хотя прекрасно ведала она,
что я другому в жёны суждена.

Боюсь и я, кормилица, судьбы,
мы от неё зависим как рабы.

Не надо мне сомнительных утех,
чем больше их, тем тягостнее грех».

Кормилица в ответ: «Он мне не сын
тот юноша по имени Рамин,

мне нет нужды спасать его от бед,
поможет пусть движение планет,

а ловкость с хитростью, поверь, не в счёт.
Но вот когда любовь тебя найдёт,

поймёшь тогда, что зло, а что добро,
забудешь и себя ты, и Виро.

И вот тогда поймёшь ты, может, вдруг,
что я не враг тебе, а лучший друг».

18. Кормилица вновь приходит к Рамину

Кормилица пришла к Рамину в сад,
он был в слезах, как пару дней назад.

«Ты видела её? – он так спросил
о той, кого без памяти любил. –

Ты ей ведь рассказала обо мне
о том, что нахожусь я в западне,

в которую меня загнала страсть?
Такая у неё невысказанная власть!»

«Всё рассказала, только и врагу
желать такой ответ я не могу.

Она сказала всё ещё в слезах:
«Рамин, заботься о своих делах.

На свете женщин всех не перечесть,
женись на них, если желанье есть,

а перед Богом с братом не греси,
прими совет мой чистый от души».

Услышав то, Рамин затрепетал,
кормилицу как будто мать обнял:

«Сходи ещё к божественной луне,
не будет пусть безжалостной ко мне.

Ты передай ей, буду я рабом».
И слёзы снова потекли ручьём.

Да, сердце женщины не сталь, не медь,
умеют наши женщины жалеть.

Кормилица вздохнула глубоко:
«Поверь, Рамин, мне будет не легко

опять затеять этот разговор,
ну что ж переживу я свой позор».

И вот она предстала перед Вис,
свой взор стыдливо обративши вниз,

и так сказала: «Пусть накажет Бог тех, кто тебе в несчастье не помог,

кто отобрал любовь твою и дом,
кто на добро твоё ответил злом.

И всё же, Вис, должна ты дальше жить,
о том, что было, следует забыть.

Ты сладкая, как Солнце хороша,
и у Рамина добрая душа.

Люби того, кто сохнет по тебе,
угодно это Богу и судьбе».

Вис возмутилась и сказала ей:
«Проклятая, ты хуже всех чертей,

ты мерзкая и подлая жена,
ты и на дух мне больше не нужна.

Вон от меня. С тобою разговор –
великий грех и для меня позор».

Кормилица задумалась тогда:
«Добром не хочешь, велика ль беда,

с тобой не стоит больше толковать,
ведь я тебя могу околдовать. —

Сказала вслух: «Меня ты не гони,
прожили годы мы с тобой не дни,

дороже ты мне собственной души,
поэтому сказать мне разреши.

Мне смысла нет обманывать тебя,
я говорю всегда тебя любя.

Что мне тот самый юноша Рамин?
Он мне не сын, не сват, не господин.

Он для меня не плох и не хорош,
хотя лицом он на тебя похож.

Он также благороден и умён,
красив и статен, в общем всё при нём.

Ты тоже, Вис, богата и знатна
и двух мужей законная жена.

Но ты не ангел, не пророк, не джин,
чтоб избегать всю жизнь любви мужчин.

Я думаю, настанет твой черёд
вкусить любви запретной сладкий плод.

С Рамином можешь вовсе ты не жить
но он блаженство может подарить.

Не опускай, пожалуйста, лица,
но самка жить не может без самца.

Без мужа жёны Богу не нужны,
они находка лишь для Сатаны.

Поверь ты мне, что на твоём пути
один Рамин и лучше не найти.

Тебя он любит, словно пчёлы мёд,
и ты его полюбишь в свой черёд.

Ты посмотри-ка, Вис, на жён царей,
они не плачут над судьбой своей,

у каждой есть любовник, милый друг,
о них не знает ни один супруг.

А ты ревёшь, словно муфлон в горах,
подумай лучше о моих словах».

Вис услышала пламенную речь
и не смогла той речью пренебречь:

«Я думаю, что ты была права,
неправду не вплела в свои слова,

мы, женщины, слабы, нередко страх
мы ощущаем в сказанных словах.

Но слава богу, нам дано одно:
мужчин мы опьяняем как вино.

Не обижайся на меня, со зла
я на тебя напраслину ввела.

Я буду Бога день и ночь просить,
чтоб ты могла меня за всё простить».

19. Кормилица расстаётся с Вис и в третий раз встречается с Рамином

И снова божий день с утра настал,
кормилицу Рамин с надеждой ждал.

Она пришла и повела рукой:
«Не мучайся, Господь пока с тобой,

ты жив-здоров, умён, к тому ж богат,
и, слава Богу, у тебя есть брат.

Он шахиншах, великий царей царей.
Но ты – увы – совсем не нужен ей.

Злодейка Вис не любит никого:
и не тебя, ни брата твоего.

На все слова мои один ответ:
«Вон убирайся, нет Рамину нет».

От этих слов Рамин чуть не упал,
но удержался и в ответ сказал:

«Кормилица, прошу не отступай,
ей о любви моей напоминаний,

мне без неё не дорог белый свет,
сегодня жив, а завтра уже нет».

И снова к Вис кормилица пошла
и снова речь о том же повела:

«Царица Вис, ты вся во всей красе,
из-за которой мрут мужчины все:

и тот, кто близок или же далёк —
все сохнут, словно без воды цветов.

Я тайну знаю, но сказать стыжусь,
к тому же Моабада я боюсь.

Но забываю и про стыд, и страх,
когда Рамина вижу я в слезах.

Как вспомню о страданиях его,
тогда уж мне не мило ничего.

Я видела влюблённых сотни раз,
но не о них сегодня мой рассказ.

Я снова о Рамине, его вздох
сильней страданий тысячи пройдох.

Он весь в слезах, и слёз его поток —
бесславной смерти для него исток.

И что в той смерти есть твоя вина,
узнают Бог и враг наш Сатана,

Бог отвернёт лицо своё, а тот
с восторгом твою душу заберёт».

Кормилица внушала ей своё,
а Вис молчала, слушая её,

хотя уже красноречивый взор
повёл со сводней тайный разговор.

20. Вис видит Рамина во дворце Моабада и влюбляется в него

Шах Моабад решил устроить пир,
каких Багдад не видел и Каир,

дворец украшен был как небосвод,
где звёзды заводили хоровод,

где с Солнцем вместе плавала Луна,
где лето обнимались и весна.

Веселье в зале било через край,
казалось на земле явился рай,

и этот разукрашенный чертог
хранят не только ангелы, а Бог.

Средь верных и испытанных вельмож
один Рамин блистал, он был похож

на месяц, что сверкает среди звёзд,
и лишь душа просилась на погост.

Он даже здесь, где пир идёт горой,
и где вино течёт хмельной рекой,

был в думы о царице погружён,
как в горький и безумный сон.

Пока шёл пир, пока текло вино,
принцесса Вис с кормилицей в окно

смотрели на пирующих вельмож,
и видели, как был Рамин пригож.

«О свет очей, душа моя, взгляни,
на этот пир, Рамина оцени,

он так красив, похож он на Виро,
как будто мать одна у них – Шахро.

Смотри внимательней. Любовь придёт
и радость вам обоим принесёт».

И в сердце Вис ударила стрела,
подумала она: «Напрасно я жила

в печали, в горести, всегда в слезах,
я, как цветок, что без воды зачах.

Зачем мне мать теперь, зачем мне брат,
и для чего бессильный Моабад,

когда я вижу – вот передо мной
сидит красивый, сильный, молодой

мужчина славный, что в меня влюблён.
Моим любовником пусть станет он. –

Кормилице же так она сказала:
Рамин такой, как ты и описала,

но только так ты передай ему,
что грех на свою душу не приму.

Пусть Бог другую женщину пошлёт,
и он её женою назовёт».

Ну а саму уже покинул Бог,
и дьявол заступил через порог,

и битва началась добра и зла,
и в битве той Вис чуть не умерла.

21. Кормилица приходит к Рамину

Кормилица пришла к нему опять,
чтоб обо всём, что было рассказать.

«Считаю, скоро испарится зло,
и дерево любви сегодня расцвело,

Вис успокоилась, вняла моим речам,
ты убедишься скоро в этом сам».

Рамин ей денег предложил сундук,
она сказала: «Мне не надо, друг,

добра у меня много, не шучу,
я только одного тебя хочу,

глядеть всё время на твоё лицо».
Она взяла на память лишь кольцо

и снова побежала к Вис, а та
слезами умывалась: «Красота, –

кормилица спросила, – что с тобой,
ты душу, не стесняясь, мне открой?»

А та в ответ: «Не нужен мне Рамин,

и вообще не надо мне мужчин,

я не хочу от них терпеть позор,
всё будет так, как было до сих пор.

Рамин красив, но много краше рай,
так что меня на грех не подбивай».

В ответ же ей кормилица-лиса
такие подобрала словеса:

«О, Вис, опора матери и свет,
ты скоро растеряешь весь свой цвет

и как железо скроешься под ржой,
если дружить не станешь с головой.

Живи одна и всё решай сама,
коль у тебя достаточно ума,

а я сегодня расстаюсь с тобой,
поеду я наверное домой».

А Вис: «Ты полюбила чужака,
я ж без тебя умру наверняка,

ты столько лет мне заменяла мать,

что мне не хочется тебя терять,

но ты меня на растерзанье псам
оставить хочешь, даже небесам

поступок твой понравится едва ль,
съезжай, если тебе меня не жаль.

Настанет время, будешь ты жалеть,
но нас с тобой рассудит только смерть».

Кормилица ответила ей так:

«Всё в этом мире глупость и пустяк,

одна лишь правда в этом мире есть,
она не запятнает твою честь.

Та правда жизни есть любовь, и ты
любовью не испортишь чистоты.

Ты рождена землёй, и как она,
любить, родить и радовать должна.

Виро забыт, бессилен Моабад,
но слава богу, есть у него брат,

он жаждет наслаждения с тобой,

так будь ему покорною женой».

Вис отвечает: «Божья я раба,
такая видно впрямь моя судьба.

Когда б не ты, кормилица моя,
мне сердце не пронзила бы змея.

Я не хочу, чтобы страдала ты,
пусть лучше уж лишусь я красоты,

но твоему желанью подчинюсь,
лишь одного я, милая, боюсь,

когда о том узнает Моабад,
никто из нас любви не будет рад.

Ты знаешь Моабада грозный нрав,
судить не будет, прав ты иль не прав.

Один лишь взмах мечом и Моабад
отправит нас с тобой в кипящий ад.

Ты постарайся тайну сохранить,
чтоб не порвал шах жизни нашей нить.

22. Свидание Рамина и Вис

Хороший год хорош уже с весны,
и отношения тех, кто влюблены,

прекрасны, коль хороши с начала,
Рамину с Вис ничто не помешало

наедине остаться, наконец.

В то время шах оставил свой дворец,

чтоб осмотреть владения, а трон
на время поручил Рамину он.

Вис в тот же день пришла в дворцовый зал,
который самоцветами сверкал,

но этот блеск холодный не затмил
тот свет, что от царицы исходил.

Глаза просохли от горячих слёз,
и на щеках цвели сто тысяч роз,

и растекался в зале аромат,
способный раненых лечить солдат.

Она позвала солнцеликих дам,

поговорила с ними по душам.

Кормилица, лишь гости разошлись,
ввела Рамина и царицу Вис

в опочивальню шаха, там они
остались в первый раз совсем одни.

Рамин сел рядом с Вис, он враз ожил,
как будто бы воды живой испил,

он сильным стал, красивым и живым,
огонь в груди погас, растаял дым.

Рамин сказал: «О Вис, ты лучше всех,
во всём тебя ждут слава и успех,

ты радости источник, ты – цветок,
изящная, как нежный мотылёк,

твой лик – Луна, а стан твой – кипарис,
блажен, к кому ты повернёшься, Вис».

А Вис ему ответила: «Беда,
себя позорить можно без труда,

а я унизила и весь свой род,

меня родня, конечно, не поймёт.

Я потеряла в одночасье стыд,
меня Господь за это не простит.

Скажи мне честно, я хочу узнать,
со мной решил ты просто поиграть?

А если нет, то должен, как мужчина,
не стать позору моему причиной».

Рамин поклялся Солнцем и Луной
и всем, что есть в земле и над землёй,

и божьим именем, что никогда
не причинит ей капельки вреда,

и что до смерти будет верен ей
и нету клятвы крепче и прочней.

Вис тоже страшной клятвой поклялась,
что не порвёт любви их страстной связь.

Букет ему фиалок подала,
сказала так: «Судьба бывает зла,

закинуть может в чужедальний край,

но ты меня и там не забывай,

увидишь там фиалку, вспомни Вис
и поцелуй её, не поленись.

А роза – твой цветок, она пусть мне
напомнит о тебе и этом дне».

Ну а потом они легли в кровать,
друг друга стали крепко целовать,

случилось то, о чём Рамин мечтал:
женой Вис стала, он ей мужем стал.

Так продолжалось много много дней
и страсть их разгоралась всё сильнее...

Шах Моабад, проведав от гонцов,
что брат его Рамин уже здоров

послал письмо ему: «Я очень рад,
что ты не болен, собирайся, брат,

и приезжай лечиться от невзгод,
мне без тебя ничто на ум нейдёт.

И захвати с собой мою супругу Вис,

Шахро соскучилась. Её каприз

хочу иль нет, но должен ублажать,
она мне тёща, ну а ей-то мать».

Рамин поехал, Вис он взял с собой,
был путь не лёгким, горною тропой,

через болота топкие, аж жуть,
но молодым приятен был тот путь.

Когда ж они прибыли, Моабад
был несказанно этой встрече рад.

Обрадовалась ей и мать Шахро,
и муж несостоявшийся Виро,

и только Вис была земли черней,
поскольку был в те дни Рамин не с ней.

Лишь только раз иль два за эти дни
издалека увиделись они.

23. Моабад узнаёт о любви Рамина и Вис

Однажды Моабад лежал с женой,
но сон его не жаловал собой,

да как-то ему было не до сна:
жена вот вроде рядом – не жена,

ни разу он не наслаждался ей,
хоть сам умри, а хоть её убей.

Да, жизнь его была не весела.
А в спальню тут кормилица вошла

и потихоньку разбудила Вис:
«Не спи, вставай, иди скорее вниз,

Рамин уже собрался уходить,
должна ты милого в дорогу проводить».

На их несчастье Моабад не спал
и все слова он явно услышал.

Кормилицу он проклял и её мать,
и слугам приказал, её позвать,

ещё кричал о том, что Хузистан,
где родилась кормилица, из стран,

в которых в жизни он бывал своей,
подлее не рожал ещё людей.

Чуть-чуть попозже, малость он остыл,
и тут же гнев на на Вис свой обратил:

«Богоотступница и семя сатаны,
тебе ни честь, ни правда не нужны,

связалась ты с кормилицей, она
исчадье ада, брат ей сатана.

Через неё блудницей стала ты,
ты потеряла символ чистоты.

Поступок твой осудит мать Шахро,
все родичи твои и брат Виро».

И он Виро всю правду рассказал:
«Хочу, чтобы ты ведьму наказал,

нельзя змею за пазухою греть,
одно ей наказание будет – смерть.

А если не исполнишь мой наказ,
то я, клянусь, оставлю Вис без глаз,

Рамина изгоню я из страны
такие братья в доме не нужны».

А Вис была скромна и молода,
лишила всё ж любовь её стыда,

и встала, подбоченясь, как змея:
«Ты мой позор раскрыл, но знаю я,

ты не способен продолжать свой род,
а значит не мужик ты, а урод.

Ты царь, а это значит ты судья,
убей меня, и не обижусь я,

ты можешь меня в цепи заковать,
ну а любовь не сможешь отобрать,

скажу тебе, ты муж, а господин,
которому служу я, мой Рамин.

Люблю Рамина больше, чем Шахро,
и чем тебя, и брата чем Виро.

Пока есть море у меня в руках,
огонь ничуть мне не внушает страх.

Я полюбить бы и тебя смогла,
когда бы от тебя ребёнка родила».

Обидевшись, умолкнул Моабад,
но тут вмешался в разговор и брат,

Виро вскричал: «Да ты глупей осла,
как говорить такое ты могла.

Ты потеряла совесть, стыд и срам
твоим поступкам и твоим речам.

Что ты в Рамине том нашла, скажи,
в нём ничего нет, кроме явной лжи.

Что у него есть, кроме арф и струн,
он вечно пьян, ревёт, словно меджнун,

ему не ведомы ни честь, ни страх,
живёт, не дома, а в пивных домах.

Любовь твоя с Рамином просто вздор,
терпеть с Шахро не можем твой позор».

Вис разрыдалась: «Брат, не продолжай,
Рамин сейчас дороже мне, чем рай,

вы можете проклясть меня, убить,
но без Рамина не смогу я жить».

Виро послушал и махнул рукой:
«Не стоит сыпать жемчуг пред свиньёй,

пусть с Моабодом Бог рассудит вас,
а мне вы оба не нужны сейчас».

Осталась Вис одна и думала о том,
кто другом был её, а кто врагом:

«Любовник есть, есть муж и брат, а мне
приходится страдать, гореть в огне.

Виро никто, ни враг он и ни друг,
он бесполезен, как один из слуг.

Царь повелитель и владыка мой,
но он наказан за обман судьбой.

Рамин же льстец, язык его, как мёд,
он обмануть – не дорого возьмёт.

Уж лучше б мужем был мой милый брат,
чем этот доходяга Моабод

и чем Рамин, от них одна беда
и путь мне в рай заказан навсегда».

24. Моабад увозит Вис и прибывает вместе с ней в Морав, что в Хорасане

Средь многих на земле известных стран
одна есть лучшая, зовётся Хорасан,

там воздух чист, земля плодит, народ
там беззаботно в радости живёт.

А в той стране столица есть Морав,
красивый город посреди дубрав,

среди полей и посреди садов –
прекрасней нет на свете городов.

Сидел шах с Вис однажды у окна,
откуда вся страна была видна.

Сказал он: «Посмотри, земля отцов
прекрасна, Вис, словно твоё лицо,

прекрасны горы, и поля, я всем
всегда люблюсь. Это ль не Эдем.

Пиши картины иль бери перо,
пиши стихи. Считаю я Виро

такой красы не видел никогда,
страна его слаба, никчёмны города».

А Вис ответила, ему в слезах,
не размышляя о своих словах:

«Приятна мне твоя страна иль нет
я не смогу и Богу дать ответ.

Живу с тобой я не из-за красот
а потому, что здесь Рамин живёт».

Когда шах услышал слова её,
вонзилось в сердце острое копьё,

он стал, дрожать, ногами молотить,
что захотел жену тотчас убить.

Но верх взяла любовь, побагровев,
сумел он как-то укротить свой гнев

и всё сказать, подумав наперёд:
«Ты пёсья дочь и от змеи твой род,

утроба матушки твоей Шахро
пусть лопнет, как поганое ведро,

пусть брат по миру с голоду пойдёт,
и божий гнев на всех на вас падёт.

А у тебя всего лишь три пути,
куда захочешь, то туда иди.

Одна дорога для тебя в Гурган,
в Девманд – другая, третья – в Амиан.

И пусть там дьяволы живут с тобой,
сгорай там летом, замерзай зимой».

Возрадовалась Вис, словно награду,
восприняла решение Моабада.

25. Моабад отпускает Вис

А Вис кормилице сказала так:
«Спеши к Шахро, закончился бардак,

я возвращаюсь, наконец, домой,
скажи Виро, он снова будет мой».

Затем она сказала Моабаду:
«Высокий царь, будь весел, как всегда,
живи и царствуй на земле, как надо,
пусть над тобой горит твоя звезда.

Пусть все враги твои утонут в море,
а все друзья останутся с тобой.

Чтобы изжить волнения и горе,
женись, о царь, скорее на другой.

Женись скорей на верной и богатой
с хрустальной незапятнанной душой,
живите с ней ни в чём не виноватой
единой и порядочной семьёй».

Сказала так и сразу вышла вон,
и плач по ней потёк со всех сторон,

рыдали все: и слуги, и рабы,
но не смогли поколебать судьбы.

Когда Рамин узнал о бегстве Вис,
он снова заболел и снова скис,

он плакал, и рыдал, и слёзы лил,
как будто бы любовь похоронил.

Недуг всё время властвовал над ним,
он с сердцем начал говорить своим:

«О сердце, сердце, я не знаю как,
ты день мой светлый превратило в мрак,

отныне горесть – наш с тобой удел,
а я ведь счастья для тебя хотел.

И вот опять забыт покой и сон,
и ты уже не бьёшься в унисон

с моими чувствами, с моей душой,
мне горько разговаривать с тобой.

Болей со мной, и пусть болят глаза,
в которых зарождается слеза.

Я им сегодня пожелаю смерть,
чтоб не могли по сторонам смотреть,

прошло уже не мало горьких дней,
они не видят радости моей,

зато глядят на то, чему не рад».
Сказал он как-то Моабаду: «Брат,

болел я долго, а теперь фирман*
прошу, чтобы поехать мне в Гурган.

Там поохочусь и развею грусть,
после чего, не медля, возвращусь».

* Фирман - здесь: разрешение

Царь Моабад сказал: «Всё это ложь,
меня, Рамин, ты вряд ли проведёшь.

Ну что же, поезжай ко всем чертям,
дорогу к ним найти сумеешь сам.

Ты душу Вис-распутнице продал,
меня втянув в невиданный скандал.

Поедешь к ней, назад не приезжай,
здесь ад найдёшь ты, а не божий рай.

Я дам тебе, уж хочешь ты иль нет,
один хороший правильный совет:

женись в Хойстане и с женой живи
в довольстве, счастье, в радости, в любви.

Но если не поймёшь мои слова,
тогда во мне разбудишь злого льва,

и я приду на копьях и мечях,
убью вас и пущу по ветру прах».

Рамин согласьем подтвердил ответ,
в душе сказал же однозначно: «Нет,

ты сколько хочешь, Моабад, бесись,
а я поеду на свиданье к Вис».

26. Рамин отправляется к Вис

Рамин поехал, вот он и здоров,
ему не нужно больше докторов,

нелёгкий путь Рамина не страшил,
ведь мчал он к той, которую любил.

А Вис жила у матери в тоске
от милого Рамина вдалеке,

чужим казался ей и отчий дом,
и всё, что раньше радовало в нём.

Она смотрела, как цветёт жасмин,
и представляла, будто он – Рамин,

бывало, глянет вверх на облака:
«Ах, это он летит издалека»,

едва глаза она опустит вниз,
увидит розу, и заплачет Вис.

Так день за днём сидела у окна,

глядела вдаль, и всё ждала она.

И в этот раз она ждала восход.
Два солнца вдруг взошли на небосвод:

одно – светило, а другой – Рамин,
красив и светел, словно божий сын.

Он прискакал сюда, как добрый врач,
который лечит и тоску, и плач.

Объятые с поцелуем, словно джинн,
Вис снова к жизни возвратил Рамин.

Они укрылись в комнате и в ней
шептались и любились много дней.

Сказала Вис: «Нашёл ты, что желал,
и я нашла свой драгоценный лал *.

Ты на охоту ехал далеко,
но дичь зато далась тебе легко:

фазан я, и коза я, и газель.
Твоя стрела попала точно в цель.

*Лал - драгоценный камень

Так будем веселиться, пить вино,
мы так с тобой не виделись давно».

27. Моабад узнаёт, что Рамин встретился с Вис

Шах Моабад проведал про обман,
что брат Рамин умчался к Вис в Хайстан.

Он матери своей сказал: «Рамин –
беспутный брат и никудышный сын.

Он ускакал опять к моей жене,
он с ней живёт, но не понятно мне,

как могут братья жить с одной женой.
Он мне за то ответит головой.

Лишь кровью я сумею смыть позор,
который сердце ранит до сих пор».

Мать так ему ответила: «Сынок,
мудрец рубить себе не станет ног,

умрёт Рамин и без потомка ты
останешься, как без корней кусты.

А с ним в застолье или же в бою
опору будешь чувствовать свою.

Наступит время, ты покинешь свет,
а сына у тебя к несчастью нет.

Кому в наследство ты оставишь трон?
Ведь ты, мой сын, врагами окружён.

Придут тебе на смену чужаки
и растерзают царство на куски.

Ты пощади Рамина и пусть он,
как верный пёс, твой охраняет трон.

А вот жену гони, зачем она
тебе достойному царю нужна.

Найди достойную жену, а вдруг
родится из жемчужницы жемчуг,

и будет у тебя дитя своё,
что царство унаследует твоё.

Рамин, поверь, ни в чём не виноват,
виной она, а также её брат.

Она, блудница, может день и ночь
всех принимать, кто с нею спать не прочь».

Шах Моабад с почтеньем слушал мать,
решил Рамина он не убивать.

Но тут же в руки взяв перо,
он в гневе написал письмо Виро:

«Да как ты смеешь мне, царю, дерзить,
ты выше всех, наверно, хочешь быть,

но ты не Лев, ты просто подлый лис,
такой же точно, как и мать, и Вис.

Хоть Вис тебе сестра, но всё ж она
моя пока, а не твоя жена,

как ты посмел смеяться надо мной,
и жить с моей единственной женой.

Ты почему храбришься, я не знал,
что ты чужие страны воевал,

что ты пленил десятка два царей,
что ты меня храбрее и сильней.

Когда ты среди женщин – ты орёл,
на деле среди воинов – осёл,

который от ущербности орёт,
что он и льва при случае убьёт.

Мне донесли, ты где-то говорил,
что я тебя случайно победил.

Чтоб впредь не смог нести подобный
вздор,
к войне готовься, укрепи дозор,

союзников найди, но видит Бог,
что скоро я взойду на твой порог».

Письмо понёс искусный скороход,
а Моабад собрал войска в поход,

ничуть не медля, утренней порой
их на войну повёл он за собой.

Когда письмо доставили Виро,
он прочитал, и холодок в нутро

заполз и превратился тут же в страх,
и потемнело у него в глазах.

Он так сказал: «Великий Моабд
не понял, видно, что его я рад

достойно встретить у себя в стране.
Но для чего эти угрозы мне?

Зачем меня пугает, как юнца?
Жену свою сам выгнал из дворца.

Вместо того, чтобы признать вину,
решил затеять новую войну.

Мне это жаль, быть может, он забыл,
кто в прошлый раз в сраженье победил.

Тогда он спасся, но бежал, как вор,
об этом притчи ходят до сих пор».

Затем он написал письмо в ответ:
«О государь, я шлю тебе привет.

Ты царь царей, великий государь,
тебе подвластна всяческая тварь,

ты милостью от Бога одарён
и славой, и величьем наделён.

Зачем же ты пугаешь нас войной?
Бери жену, вези её домой.

Ты лишь скажи и я её, как брат,
тот час же помогу вернуть назад.

Но если ты захочешь воевать,
мы не юнцы и сможем постоять

за родину, за свой любимый край,
об этом, Моабад, не забывай».

Когда же шах посланье прочитал,
гонца к Виро немедленно послал,

с ним передал: «Твоё письмо глаза
открыло мне, и уползла гюрза

с души моей в сыпучие пески,
и нет причины больше для тоски

Мне донесли, что ты с сестрой живёшь,
и я, глупец, поверил в эту ложь.

Ведь ты мне – брат, а я законный зять,
нам не с руки с тобою воевать».

Посланье это получил Виро,
подарки драгоценные – Шахро,

достался Моабладу главный приз:
солнцеподобная царица Вис.

И радость снова по земле плыла,
как будто свадьба новая была.

28. Моаблад возжигает костёр для клятвы Вис

Однажды Моаблад сказал жене:
«Ты долго прожила в своей стране,

лишь потому, что был Рамин с тобой,
тебя он развлекал там болтовнёй».

На что ему ответила жена:
«В твоих словах нет мудрости зерна,

ревнуешь то к Рамину, то к Виро,
в словах твоих лишь зло, а не добро,

и даже вор крадёт не всё подряд,
как о том люди часто говорят.

Рамин, поверь мне, на Виро похож,
охоту любит, игры и кутёж,

у них лишь развлечения на уме,
одной скучать там приходилось мне».

Шах удивился, похвалил жену:
«Тогда Рамина я не прокляну,

но всё же ты, царица, поклянись,
что души ваши не переплелись».

Вис отвечала смело: «Не боюсь,
захочешь если, сразу поклянусь,

я не страшусь подобной ерунды,
дать клятву – то же, что испить воды».

На это отозвался шахиншах:

«Раз ты честна, забудь тогда про страх,

я разведу на площади костёр,
чтоб отвести от нас с тобой позор,

через огонь должно тебе пройти,
коль ты безгрешна, на твоём пути

не встретится каких-нибудь преград,
и наш народ безмерно будет рад».

«Пусть будет так, как предлагаешь ты,
дам доказательство своей я чистоты,

уж лучше гибель на глазах у всех,
чем попытаться утаить свой грех».

Шах пригласил служителей огня
и попросил разжечь среди бела дня

на площади огромнейший костёр,
чтоб был он выше всех холмов и гор.

И слуги сделали, что он желал,
а жар костра Луну подогревал.

«Рамин, гляди, – сказала Вис, – костёр
конечно же докажет мой позор.

Шах Моабад живьём сожжёт меня,
мне не спастись из этого огня.

Кормилица, как избежать костра,
быть может, нам бежать уже пора?»

«Да ты права, чтобы ещё пожить,
нам требуется сильно поспешить».

Что было дальше, трудно рассказать,
но всё же у них вышло убежать.

Никто не видел их. И вот они в пути,
и даже ветру трудно их найти.

Влюблённым всё равно, что рай, что ад,
объятье, поцелуй иль томный взгляд

и вот уже ни горя, ни забот,
а мир распух от всяческих щедрот.

Неделю гнали беглецы коней,
пока не прискакали в город Рей.

В том городе среди цветущих роз
жил друг Рамина с именем Бехроз.

От радости он чуть не заплясал,
когда Рамина в госте он узнал.

Шепнул ему Рамин: «Мой добрый друг,
есть много всяких недругов вокруг,

которые за деньги иль за страх
расскажут всем, кто у тебя в гостях.

А я ищу не славу, а покой
и не хочу дружить с людской молвой».

И полетели радостные дни,
и для Рамина, и для Вис, они

заполнились любовною игрой
и не хотелось жизни им иной.

А в это время посрамлённый шах
от горя и стыда совсем зачах,

он попытался отыскать жену,
чтоб как-то искупить свою вину.

Затем, печалью и виной сражён,
он брату Зарду передал свой трон.

29. Моабад отправляется на поиски Вис

Шах Моабад отправился один
искать жену среди гор или долин,

среди городов и иноземных стран,
прошёл и Индию, Ирак и Туркестан,

и Грецию, и Ран и Чин-Мачин,
но не нашлись ни Вис и ни Рамин.

Полгода он провёл, считай, в пути,
надеясь всё же счастье обрести.

Страдал от стужи и жары порой,
порой питался чуть ли не травой,

бывали дни, кормили пастухи,
иные дни совсем были плохи.

Однажды, обессилив, он упал
и так себе в отчаяньи сказал:

«Что делать мне, куда ещё идти,
проехал и прошёл я все пути,

я всё развеял, всё я потерял,
стал жалким, как ободранный шакал.

Из-за печали я лишился сил,
о, лучше б я под старость не любил.

Мучения мои наверняка
убили б юношу не то что старика.

И вот теперь я понимаю сам,
что доверять не стоило врагам,

я глупым был и изменил мечте,
поверив, как безумец, клевете.

Наверно, стоит обратить свой взгляд
не влево и не вправо, а назад.

Домой, домой, в рубище, босиком...
ну, а жена отыщется потом».

30. Моабад возвращается в Морав и получает весть о Вис

Пока шах Моабад искал жену,
оставив Зарду трон свой и страну,

Рамин, чтоб не страдала мать,
решил письмо из Рея ей послать:

«Прости меня, я не виновен в том,
что мне пришлось тайком покинуть дом,

виной тому, конечно, Моабад,
меня и Вис убить собрался брат.

Чтоб не свершился этот тяжкий грех,
пришлось нам с Вис решиться на побег.

С тех пор мне брат совсем уже не брат,
пусть он велик и сказочно богат,

но всё ж он уступает мне во всём.
Таких, как он, я сотни две мечом

могу один спокойно одолеть.
Пусть помнит он, и на него есть смерть.

Не думаю, что он когда-то смог
испить воды бессмертия глоток.

Я возвращусь тогда лишь, когда он
оставит сиротой свой царский трон.

А если заживётся Моабад,
тогда я с войском ворочусь назад.

Клянусь тебе, он будет побеждён,
тогда мы с Вис усядемся на трон.

Пока я в Рее и со мною близь
солнцеподобная царица Вис».

Когда письмо закончила читать,
возрадовалась, наконец-то, мать,

что сын нашёлся и что он здоров,
что есть и пища у него и кров.

А Моабад, вернувшийся домой,
совсем зачах и сделался больной.

Однажды ночью навестил он мать.
Она ему: «Не надо горевать,

ведь ты властитель целой сотни стран,
тебе Ирак подвластен, и Туран,

до самого Китая ты один
великий полновластный господин.

Ты душу, сын, свою побереги,
чтоб не пришли в восторг твои враги».

«О мать моя, мой самый страшный враг
живёт во мне, и тысячи вояк

не причинят мне большего вреда,
чем сердца собственного чехарда.

Оно давно уж не подвластно мне,
из-за него бродил я по стране

и по чужим далёким странам мчал,
как обезумевший израненный шакал.

Чтоб не страдать, не мучиться, не жить,
хотел я сердце, как врага убить,

но не сумел, оно сильнее меня,
так жжёт меня, не надо и огня.

Я Богу дал обет, если увижу Вис,
то выполню любой её каприз,

ей власть отдам и посажу на трон,
мне без неё совсем не нужен он.

Пока я жив, клянусь своим отцом,
не упрекну царицу я ни в чём.

Рамина не обижу, он мой брат,
ему я тоже буду очень рад».

Обрадовалась мать его словам,
будто пред ней вскурили фимиам

и, радуясь, сказала: «Поклянись,
что не обидишь ты Рамина с Вис

и что не будешь с ними враждовать
и перед Богом не ославишь мать,

клянись, что им не причинишь вреда,
когда они приедут к нам сюда,

клянись и я смогу тогда сказать,
где Вис с Рамином можно отыскать».

И Моабад, от радости вскричал
и мать сто тысяч раз поцеловал:

«Клянусь, всё будет, как желаешь ты,
осыплю их цветами доброты».

Поверив клятве Моабада-сына,
послала мать письмо тогда Рамину:

«О ты душа моя, бесценный клад,
мои слова – дорога в рай иль ад.

Прошу тебя, скачи скорей домой,
застанешь, нет ли ты меня живой,

уже, как камень стали телеса,
да и душа стремится в небеса.

Шах Моабад сегодня клятву дал,
в свидетели он Господа призвал,

царице Вис оставит он свой трон,
что сам служить во всём ей будет он.

А ты, он это мне пообещал,
в столице будешь главный генерал.

Так что спеши устроить свою жизнь,
а за чужбину сильно не держись.

Когда Господь даёт нам самоцвет,
простые камни подбирать не след».

Когда Рамин узнал, что его брат
с ним встречи будет несказанно рад,

они тотчас отправились в Морав.
Шах Моабад, супругу увидав,

возликовал, петь начала душа —
была царица больно хороша.

Жить стали дружно, вместе пировать,
о прошлом никогда не вспоминать.

31. Рамин и Вис в Мораве, Моабад радуется и пирует

Однажды веселился шахиншах,
с ним рядом Вис, сидевшая, в руках

держала кубок с дорогим вином,
казалось солнце село за столом.

Шах Моабад Рамина пригласил,
с собою рядом брата посадил.

Рамин играть на арфе был мастак,
и вообще он слыл, как весельчак.

Умел он радость извлекать из струн
и развлекать любимых, как певун.

Он начал петь любовные стихи,
и звуки были нежны и тихи,

что прогоняли скуку и печаль,
но песня быстро кончилась, а жаль.

Шах Моабад насытился вином
и вновь, вообразив себя царём,

он приказал Рамину так играть,
чтоб сладкопеньем уши улаждать.

Рамин запел, и каждый его звук
сердца излечивал от горя, и от мук.

«Я встретил девушку
небесной красоты,
мой идеал,
предел моей мечты.
Она цвела,
как будто райский сад,
в который люди
с радостью глядят.
Я тоже заглянул,
а в том саду
была одна лишь
роза на виду.
Я каждый день
заглядываю в сад,
нет у меня

других каких услад.
Когда без розы той
мне жить совсем невмочь,
я к саду прихожу
в лихую даже ночь».

Шах Моабат ту песню похвалил,
ещё вина у Вис он попросил,

она взяла и шаху подала:
«О, царь царей, пусть все твои дела

будут легки, словно вина бокал,
хочу, чтоб ты кормилицу позвал.

Она ведь за тебя стоит горой,
всегда болеет сердцем и душой».

Пришла кормилица, теперь она
всем подливает пьяного вина.

Вот и Рамин изрядно захмелел,
подать вина бокал он Вис хотел,

подал бокал, шепнул тихонько ей:
«Пей, дорогая, свет моих очей».

А Вис ему тихонечко в ответ:
«Ты для меня, словно в окошке свет,
меня, прошу, Рамин не забывай.
Я тоже не забуду, так и знай.

Пусть сердце твоё радостно стучит,
а сердце Моабада пусть сгорит».

Шах Моабад всё слышал, но смолчал,
сказал Рамину: «Ты б ещё сыграл!»

Рамин запел, и пел, как ангел он,
о девушке, в которую влюблён:

«Лицо моё поблёлкло от любви,
одно безумство плещется в крови

я смою эту желтизну вином,
пусть враг с весёлым, розовым лицом

меня увидит, не узнает враг,
что моё сердце плавает в слезах.

Я похищаю души диких львов,
ну а мою похитила любовь.

И только Бог сумеет мне помочь,
ведь это он уводит с неба ночь.

Его прошу: «О Господи, приди
и горести из сердца уведи».

Понравилась всем песня, только шах
от пьяного вина совсем размяк,

ушёл в опочивальню и жену
увёл с собой, с обидой ей в вину

стал предъявлять, что было за столом:
«Я слышал всё, шептались вы о чём.

Я думаю, что вы с Рамином зря
решили злобу вылить на царя.

Царь выше вас. Будь трижды он ослом,
не тщись садиться на него верхом.

Я видел много горести и зла,
и ты мне их немало принесла.

А я не знаю, чем тебе не мил
и чем тебе, краса, не угодил».

Когда Вис услышала те слова,
то на двое распалась голова.

и ей казалось, что Рамин был мил,
но Моабад был тоже не постыл.

«О, царь великий, о мой господин,
поверь, совсем не нужен мне Рамин.

Всё то, что было раньше, – от врага.
Ты дорог мне, как жизнь мне дорога.

Ты море, а душа твоя – волна,
ты – солнце, а Рамин всего луна.

Я расстелюсь перед тобой ковром,
мы сотню лет с тобою проживём.

Коль солнце есть, и есть луна в ночи,
зачем же мне мерцание свечи».

Возрадовался царь таким словам,
дай Бог подобное услышать вам.

Он улыбнулся, счастливо вздохнул
и, наконец, с надеждою уснул.

Вис не спалось, какой уж тут был сон,
для женщины влюблённой не закон,

а сатана указывает путь.

Лишь только муж её успел уснуть,

как сразу же восстала её плоть
и нету сил то чувство побороть.

Её Рамину тоже не спалось,
любовь колола сердце, словно кость.

Он встал, решил на улицу пойти,
чтоб там покой душевный обрести.

Но там шёл дождь, стоял густой туман,
который не разгонит и фирман*.

Но дождь его не мучил, он страдал
из-за того, что брату Вис отдал.

Спит шахиншах спокойно, а жена
кормилице сказала, чтоб она

ей помогла к Рамину убежать,
а для того она должна в кровать

* Фирман - здесь: указ.

лечь, рядом с Моабадом, чтобы он
был в верности неверной убеждён.

«Не бойся, – Вис ей, – этот идиот
настолько пьян, что вряд ли что поймёт».

И потушив свечу, она ушла,
её с Рамином тут же скрыла мгла.

И, спрятавшись в укромный уголок,
где их навряд ли кто увидать мог,

они соединились воровски,
и поцелуи были их сладки.

Так продолжалась сладкая игра,
считай, всю ночь, почти что до утра.

Средь ночи Моабад повёл рукой,
надумав пообщаться так с женой,

и понял вдруг, что рядом не жена,
а пень сухой иль даже Сатана.

Схватил его за руку шахиншах.
Кричит: «Кто ты?» Не разобрал впотьмах,

кто рядом с ним: то ли живой цветник
то ль временем иссушенный тростник.

«Свечу, – кричит, – давай сюда свечу,
я посмотреть на дьявола хочу».

Но не пришёл никто, дворец весь спит,
кормилица боится, но молчит.

Рамин и Вис сидят рука в руке,
им хорошо любиться в закутке.

А в спальне изводился Моабад.
Рамин услышал: «Это, видно, брат
тебя хватился. Я его убью,
скручу башку, как будто воробью».

А Вис ему: «Не надо убивать,
он сам умрёт, ты должен подождать».

У каждого из нас своя судьба,
она и шаха превратит в раба».

Вернулась Вис и села на кровать,
и Моабада стала укорять:

«Зачем мою ты руку ухватил
и давишь, словно лев, изо всех сил.

Возьми другую, эту отпусти,
ты начал плохо, шах, себя вести».

А Моабад ещё был сильно пьян,
купился сразу на такой обман

и попросил прощенья у жены.
Нередко те, кто страстно влюблены,

вот так и попадаютя впросак:
был умным человек, а стал дурак.

Известно всем, козёл бывает львом,
а царь зверей становится козлом.

Гуляют вместе радость и печаль,
вражда и дружба, голова и сталь.

И только Бог способен указать,
кого унижить, а кого поднять.

32. Моабад отправляется воевать с греками и поручает Вис и её кормилицу своему брату Зарду

Однажды хану поступил сигнал,
что кесарь-грек на их страну напал,

он, как разбойник и бесстыжий вор,
нарушил вероломно договор.

И шах собрал бесчисленную рать,
чтобы отпор достойный грекам дать.

Перед отъездом вспомнил Моабад,
что есть жена и ненадёжный брат,

которые сбежать могут опять
или в одной постели будут спать.

Так размышлял ревнивый Моабад.
Позвал он Зарда: «О мой милый брат,

ты мне помочь сумеешь лишь один,
поскольку знаешь, что творит Рамин,

он с ведьмой старой и моей женой
бессовестно смеются надо мной,

я околдован ими и поверь
от боли вою, как подбитый зверь,

и нечем раны излечить те мне.
Вот и топлю я горести в вине.

Ну, а у них ни капельки стыда,
и ничего от них, кроме вреда

не видел я. И враг на стороне
милее их вдвойне или втройне.

А вот теперь я еду на войну,
не знаю, как оставить Вис одну.

Закрой её иль спрячь её куда,
она сбежит сквозь стены, как вода.

Один есть выход справиться с бедой,
Рамина на войну возьму с собой,

а Вис пусть в крепости Ашпукдеван
сидит, словно попавшая в капкан.

Твоя задача: проследить за ней,
не знаю сколько дней, сколько ночей,

из крепости она чтоб ни ногой.
Такой вот для неё подарок мой.

А если вдруг приедет к ней «жених»,
то сам решай, как успокоить их,

что хочешь делай, только не жалея,
убить захочешь, так возьми убей».

Ответил Зард ему: «Великий шах,
не надо плавать день и ночь в слезах,

не стоит из-за женщин горевать,
тем более, коль женщина не мать.

Хоть Вис хитра, как див или как чёрт,
из рук моих, поверь мне, не уйдёт.

Когда же ты воротись назад,
то в целости получишь этот клад».

Шах в крепость тот же час отвёз жену,
в ней заточил красавицу луну,

кормилицу оставив только с ней.
«Вдвоём, – сказал, – им будет веселей».

А крепость та построена в горах,
вершины их застряли в облаках,

Луна и Солнце ищут здесь покой,
до них немудрено достать рукой.

В ту крепость никому прохода нет,
хоть осаждай её десятки лет.

Шах сам закрыл все двери на замок.
Чтоб без него их отворить не смог

ни брат, ни мать, ни свой и ни чужой,
ключи в кармане он увёз с собой.

Когда же шах скомандовал: «Вперёд!»,
всё войско дружно двинулось в поход.

И каждый ту команду воспринял
с достоинством, и лишь Рамин страдал:

от бремени любви бросало в жар,
и сердце пожирал тоски пожар.

Он сердцу говорил: «Я весь в огне,
как ты прикажешь жить без милой мне?»

И божий свет мне без неё не мил,
уж лучше я б на свете и не жил».

И так он дни и ночи горевал,
не ел, не пил, а лишь стихи слагал.

«В сердце моём раны,
и нет у меня надежды.
Любовь лишили свободы,
я тоже закован в цепи.
О ветер, лети к любимой
и правду ты ей поведай,
что сердце моё сгорело
в пожаре любви великой,
одна ты перед глазами,
других они не замечают,
язык лишь твердит твоё имя,
другого сказать не может.
И нет мне ни сна, ни покоя,
ни радости и ни веселья.
Поверь, дорогая, но горя,
что без тебя мне досталось,
хватило б на всех влюблённых,
когда небеса бы раздали
им только по маленькой доле.
Но и тогда, я уверен,
они не остались бы живы».

Рамин без милой высох, как цветок,
и пожелтел, как выжженный песок,

согнулся стан его, от тяжких мук
согнулся он и стал похож на лук.

И знахари над ним, и доктора
вились, как будто в поле мошकारа,

но все труды их превращались в прах.
Тогда они сказали: «Шахиншах,

боимся мы, что ваш Рамин умрёт,
если его возьмёте вы в поход».

Шах Моабад немного поворчал,
но всё же просьбам докторов он внял.

Войско ушло, Рамин уехал в тыл,
где о болезни сразу же забыл,

с лица его тотчас сошёл шафран,
и снова стройным стал могучий стан,

и только сердце продолжала грызть
мысль о свидании с царицей Вис.

«Ну ничего, – сказал он сам себе, –
мужчина закаляется в борьбе,
леса, пустыни, горы перейду,
но непременно свой цветок найду».

А в крепости неважные дела,
Рамина Вис уже и не ждала,

считала, что и он ушёл в поход,
а там война, и кто с неё придёт.

Вис заболела, и краса со щёк
стекла, как будто с грозных гор поток.

33. Вис оплакивает свою разлуку с Рамином

Вис с горя собиралась умереть,
но не пришла на зов царицы смерть,

хотя она и билась головой,
хотя и издевалась над собой.

Лицо и грудь – всё изодрала в кровь,
такую власть над ней взяла любовь.

Она кричала, жаловалась так:
«Как я страдаю, пусть страдает враг.

Что делать мне? О радости утех
мне без Рамина и подумать грех.

Никто не ведал, что наступит час,
когда судьба вот так накажет нас.

Мне жизнь не в жизнь. И что же делать мне,
если Рамин погибнет на войне?

Я сердце отдала ему и честь
и всю себя такой, какая есть.

Хоть тело здесь, а сердце моё там,
оно не даст сразить его врагам.

Как я жалею, что я не с тобой,
возлюбленный Рамин, хозяин мой».

Так причитала Вис и день и ночь.
Кормилица пыталась ей помочь.

Она сказала: «Вис, не может быть,
чтоб Бог не мог влюблённых защитить,

увидит горе он твоё, тогда
уйдут и скорбь, и горе навсегда.

Тебе же надо просто потерпеть».
Ей Вис в ответ: «Прошу такое впредь

не говорить мне. Ведь твои слова
доходят до меня едва-едва,

они мне в сердце не находят путь,
без них и так в огне сгорает грудь.

Легко тебе смотреть со стороны,
как я страдаю. Нет другой страны,

где люди так страдают от любви.
А ты своё: «Не мучайся, живи

да не страдай». А как тут не страдать,
тебе во век такого не узнать,

Мои страдания – не моя вина,
ты виновата, только ты одна

ты вырыла колодец моих бед,
и я на дне, а ты опять совет

даёшь мне: «Потерпи да помолись»
и, сидя у колодца, смотришь вниз.

34. Рамин отправляется из Морава в Ашкупдеван, чтобы встретиться с Вис

Когда Рамин прибыл в Морав, домой,
он был уже почти что не больной,

но во дворец вошёл и тут же сник,
был без цветов покинутый цветник,

развеял ветер розы аромат,
казалось солнце источает яд.

И снова слёзы брызнули из глаз.
«Будь проклят этот день и этот час,

в который я вернулся во дворец,
в котором, видно, свой найду конец», –

сказал он так и, словно ураган,
вскочив в седло, помчал в Ашкупдеван.

Скакал он день, добрался к замку в ночь,
прополз мимо охранников, точь-в-точь

как меж камней голодная змея
ползёт, чтоб съесть лягушку у ручья.

Рамин взглянул, увидел свет в окне:
«Надеюсь, этот свет поможет мне».

Он поднял лук, пустил стрелу в окно,
хоть не стрелял из лука он давно,

стрела послушно угодила в цель,
упала в комнате царице на постель.

Взяла стрелу и радостно прочла
на ней «Рамин». «Это его стрела,

это Рамина дорогой гонец,
кому-то ты готовила конец,

кому-то раны, и позор, и срам,
а для меня на сердце ты бальзам».

А тут кормилица дала совет:
«Звезда любви льёт на тебя свой свет.

И ты свечу скорее засвети,
Рамину путь свечою освети,

пусть к замку подойдёт, и мы ему
поможем нашу навестить тюрьму».

Кормилица и с ней царица Вис
верёвку из окна спустили вниз,

Рамин по ней с проворностью кота
влетел в окно. Сбылась его мечта.

Он сразу Вис в объятия заключил
и обо всём, что было с ним, забыл.

И так они любились до утра,
им нравилась любовная игра,

текло рекой игривое вино,
оно в них тоже было влюблено.

Так ночь прошла, потом прошли и дни,
о будущем не думали они.

Им было весело, а в это время бес
всё рассказал колдунье Зарнагес.

Та Моабада стала поджидать,
чтобы ему всю правду рассказать.

35. Моабад узнаёт о встрече Рамина с Вис

Когда победоносный Моабад
вернулся, наконец, с войны назад,

недолго славой был он окружён,
донёсся до него тревожный звон.

Колдунья донесла ему, что брат
давно его возделывает сад.

Сразила Моабада злая весть,
не может он ни спать, ни пить, ни есть,

вскочил в седло, надумал падишах
с Рамином потягаться на мечах.

Когда примчался к замку Моабад,
он крикнул Зарду: «Ну какой ты брат,

когда не смог царицу уберечь,
как я просил, от греховодных встреч.

Ты дверь закрыл и нет других забот,
а там Рамин смеётся во весь рот

и над тобой, осёл, и надо мной,
греша бессовестно с моей женой».

«Напрасно ты печалишься, мой брат,
перед тобой ни в чём не виноват.

Рамин с тобой уехал на войну,
так что же ты вменяешь мне в вину?

На всех замках стоит твоя печать,
могу, коли не веришь, показать.

А через стены замка твой Рамин
не смог бы перелезть, ведь он не джин,

сам убедись они повыше гор.
Как ты уехал, доложу, с тех пор

у замка даже бешеный шакал
ни разу втихаря не пробегал».

Когда шах Моабад чуть-чуть остыл,
он приказал, чтоб Зард замки открыл,

и тот, стремясь скорей исполнить долг,
бежать к двери пустился со всех ног.

Влюблённым помогают небеса.

Кормилица, услышав голоса,

мгновенно поняла: вернулся шах,
и побежала вся она в слезах

к Рамину с Вис и крикнула: «Беда,
негаданно приехал шах сюда,

пришла на наши головы гроза,
с потоком слёз не справятся глаза.

А выход есть у нас пока один:
пусть по верёвке спустится Рамин

не с этой, а с обратной стороны,
тогда мы точно будем спасены».

Как не хотелось расставаться с Вис,
спустился всё же по скале он вниз

и в горы убежал. Среди диких скал
он горевал и слёзы проливал:

«Ещё недавно с Вис я был царём,
а нынче по горам брожу козлом,

недавно сердце слушалось меня,
а нынче в нём лишь пепел без огня,

я небом был и разом стал землёй,
весь мир уже смеётся надо мной.

О горе! Я не знаю, как мне быть,
смогу иль нет разлуку пережить?»

А Вис, расставшись с милым у окна,
подумала: «Ушла моя луна»,

и сразу же из глаз её потёк
горючих слёз безудержный поток,

в отчаяньи лицо своё и грудь
царапала. Кормилица взглянуть

боялась на неё. В крови, в слезах
застал жену прибывший шахиншах.

Он понял всё, едва взглянул вокруг:
верёвка на виду, в глазах испуг,

одежды все и царственный наряд
разбросаны и на полу лежат.

Вспылил тогда шах и сказал во зле:
«Исчадье ада, знай же, на земле,

таким, как ты давно уж места нет,
таких распутниц презирает свет,

твои глаза не знают слово «стыд»,
без чести ты и Бог тобой забыт.

Лицо твоё красиво, как рубин,
оно смущает молодых мужчин,

а кто на душу поглядит вблизи, —
она, как камень, что лежит в грязи.

Ты как волчица, что несёт всем смерть,
ты, как она, должна бы умереть

иль жить среди бессовестных скотов,
раз ты не понимаешь добрых слов.

Ты сеяла лишь зло, но нынче знай,
я соберу созревший урожай.

Вы мне желали смерть, её я вам
с желанием и радостью отдам».

Как только это шахиншах сказал,
он тут же Вис верёвками связал,

и в руку взял безжалостную плеть,
и стала кожа нежная алеть.

Текла кровь со спины и живота
безудержно с лица, груди и рта

Потом кормилица за все свои дела
тройную кару тут же понесла.

После чего в темницу бросил их
и запер там больных, полуживых.

Возле двери другой встал часовой,
а шах тем часом поскакал домой.

Но только прибыл Моабад в Морав,
засомневался: «Может, я не прав,

что не сдержался и пролил свой гнев,
как на оленя кровожадный лев.

Не знаю почему, но как хмельной
всегда борюсь я со своей душой,

хотя прекрасно знаю, что она
по-прежнему всё в ту же влюблена».

36. Шахро оплакивает Вис

Шахро, узнав, что прибыл Моабад
один без Вис, тотчас упрёков град

обрушила на голову ему:

«За что жену упрятал ты в тюрьму?

Я стану лить потоки горьких слёз,
пока ты не ответишь на вопрос,

пока не привезёшь её в свой дом,
тебе я буду до тех пор врагом,

за дочь свою смогу я постоять,
и ты узнаешь, что такое мать!»

И Моабад перед Шахро упал
и правду горькую ей рассказал:

«Ругай меня, Шахро, иль проклинай,
но это не поможет, так и знай,

что сделал я, того уж не вернёшь,
поступок мой конечно нехорош,

я потерял навеки свою честь,

не знаю, в мире кто-то ещё есть,

кто перед Богом так же виноват,
теперь моя дорога точно в ад.

Срубил я в гневе тонкий кипарис,
теперь ты точно не узнаешь Вис,

не украшает землю её лик,
он был как Солнце, раньше белолик,

сейчас он тёмн от крови, как ночь,
ни ты, ни я не сможем ей помочь».

Стрела страданья поразила мать,
и стала она в голос причитать:

«За что же ты, изменница-судьба,
меня караешь, словно бы раба,

из зависти, а может быть, со зла
мне рану нанесла твоя стрела,

зачем ты наделила дочь красой,
чтобы потом убить другой стрелой.

Земля, тебя я тоже прокляну,

зачем ты спрятала мою луну,

зачем её в темницу упекла,
ты, как судьба, завистлива и зла.

пусть чрево твоё больше никогда
не принесёт достойного плода.

О дочь моя, о, стройный кипарис,
я так всегда тобой гордилась, Вис,

а вот теперь ни Бог уже, ни суд
тебя не воскресят и не спасут,

одна надежда, будешь ты в раю
и там судьбу отыщешь ты свою.

Я б тоже умерла, но надо жить,
чтоб тело моей дочки схоронить,

в отмщение я всем своим врагам
жить в радости и счастии не дам,

разрушу замки все их и дворцы,
пусть кровью захлебнутся подлецы.

Морав проклятый, трепещи и вой,

заплатишь ты великою ценой,

кровь потечёт по улицам и смрад,
и первым дух испустит Моабад».

Услышав причитания Шахро,
шах испугался, вспомнил про Виро,

который точно не оставит месть,
чтоб защитить сестры любимой честь.

Шах Моабад ответил так Шахро:
«Ты мне сестра и брат родной Виро,

а Вис царица, свет моих очей,
нет никого желанней и родней.

Я ведь люблю её, хотя она
меня клянёт, к тому же не верна.

Тебе, Шахро, не всё я рассказал,
я Вис в сердцах немного наказал,

но не приму на душу свою грех,
убить, кого люблю сильнее всех.

Ты успокойся, мать, и не сердись,

сейчас гонца отправлю я за Вис,

хотя я знаю, что меня хлопот
через неё ещё немало ждёт».

Затем шах брату Зарду дал приказ,
чтоб в крепость отправлялся тот же час

и Вис доставил с почестью домой,
он так давно не виделся с женой.

Всё сделал он, и рад был Моабад
услышать то, что люди говорят

о том, как добр и милостив их шах,
как славен он и в дамах и в мужах.

На радости Рамина он простил,
но во дворец его не пригласил.

Не долго он гулял, удел царей
страной, как надо, управлять своей,

он должен был отправиться в Гурган,
чтоб наказать там буйных горожан,

а во дворце все окна приказал

забрать в непроницаемый металл,

и кузнецы трудились много дней,
чтобы не стало окон и дверей.

Замки навесил шах, ключи отдал
кормилице и строго наказал:

«Я натерпелся от твоих причуд,
как вспомню, даже волосы встают,

но всё же я хочу тебя просить,
хоть раз мне верой, правдой услужить.

Смотри, чтоб к Вис мужчина ни один
не смог пройти, особенно Рамин».

Шах Моабад отправился в Гурган.
Он снарядил огромный караван,

отъехав же от города чуть-чуть,
решил устроить лагерь, отдохнуть,

чтоб поохотиться, уйти от дел,
но заскучал вдруг, горько пожалел,

что надо царством править, а жена

осталась, как ущербная Луна.

Позвал Рамина, а ему в ответ,
Рамина, мол, давно не виден след.

«А где же он? – спросил шах осерчав.
«Он ускакал, – ответили, – в Морав».

Рамин примчался в город, наконец,
и видит: на замки закрыт дворец,

и не пройти во внутрь, не проползти,
для мухи даже нет туда пути.

Пошёл он в сад и долго там бродил,
печалился и наземь слёзы лил:

«О, милая, о свет моих очей,
от лика твоего я жду лучей,

словно от Солнца рано поутру.
О, если не увижу, то умру,

огонь любви, что рвётся из сердец
сумеет сжечь и город, и дворец,

залить пожар слезами не могу,

он в голове моей, уже в мозгу,

пути к тебе закрыл шах Моабад,
а без тебя и рай страшней, чем ад».

Узнала Вис, что друг её в саду,
сказала: «Без него и я в аду,

кормилица, ты для меня, как мать,
сорви, прошу тебя, с двери печать,

яви Рамина мне в глухую ночь,
ведь я тебе почти родная дочь,

дверь приоткрой, хотя бы и чуть-чуть,
чтоб я могла на милого взглянуть».

Кормилица ответила ей так:
«Сорвать печати шаха – не пустяк.

Я перед Богом поклялась ему,
что не открою дверь в твою тюрьму.

Доверьем шаха стыдно пренебречь,
а ты спешి на ложе своё лечь».

В отчаяньи металась по дворцу

царица Вис, и слёзы по лицу

текли её и падали на грудь.

Закрыты окна и на крышу путь

заказан Моабатовым замком:

не просочиться в щели червячком.

И вдруг она увидела... всегда
на смену радости спешит беда,

но и она не вечна, в свой черёд
умчится в даль, как будто скороход.

Так что же вдруг увидела она:
идёт верёвка прямо из окна,

шах не заметил видно этот ход,
а он на крышу напрямиком ведёт.

Она решилась и полезла вверх,
и ждал её за то большой успех.

На крыше ей опять же повезло,
неподалёку дерево росло,

и по нему сползла она во мгле

и очутилась так вот на земле.

Но правда трудным оказался путь,
поранила она лицо и грудь,

набила на коленях синяки
и платье изорвала на клочки,

и вот стоит саду, укрыта тьмой,
в крови вся и почти совсем нагой.

И снова слёзы потекли: «Рамин,
улада сердца, только ты один

сумел мой разум навсегда отнять,
и я не знаю, где тебя искать.

О ветер, ветер, я прошу добра,
Рамин мой пахнет слаще, чем амбра,

могу всю жизнь тот запах я вдыхать,
повей, чтоб я могла его сыскать.

Взойди, Луна, ты видишь я грущу,
я в темноте желанного ищу,

прошу тебя, взойди на небеса,

чтобы глядеть могли мои глаза».

Но вот и полночь, и взошла луна,
тьму разогнала, как зиму весна.

Рамин нашёлся, спал среди цветов,
увидев Вис, он снова стал здоров,

всё позабыв, до самого утра
сливались вместе мускус и амбра.

37. Моабад узнаёт, что Рамин встретился с Вис

Шах Моабад был прав или не прав,
но понял, что Рамин, сбежав в Морав,

имел в виду единственную цель
увлечь царицу Вис в свою постель.

Он так сказал: «Терпеть я не могу
такой позор, зачем я берегу

жену такую, может быть она
кому-то светит ярче, чем Луна,

а для меня она позор, она беда.

Кому-то её тело, как вода

желанна умирающему в зной,
то для меня как смерть, как сизый гной.

Какая польза от такой жены
и для меня, и для моей страны?

Из-за неё душа моя черна,
а потому страдает вся страна».

Шах Моабад в столицу прискакал,
ключи свои у ключницы забрал,

дворец неспешно шахиншах прошёл,
но в нём нигде царицу не нашёл.

Тогда он стал кормилицу пытаться,
чтоб у неё хоть что-нибудь узнать.

Но та сама не ведала, куда
сбежала Вис отсюда и когда.

Он наказал кормилицу, едва
она осталась в этот раз жива.

Искали Вис и кое-что нашли:

верёвку, тряпки рваные в пыли.

И понял шах: она, как акробат,
на крышу влезла и спустилась в сад.

Он дал приказ: искать её в саду.
А Вис нутром почуяла беду,

и чуть душа из тела не ушла.
«Рамин, проснись, плохи наши дела,

шах Моабад ведёт сюда дозор,
беги отсюда. Это не позор

врага избегнуть, ты обязан жить.
Меня уже ничем не защитить,

он может к тигру бросить меня в клеть,
но мне совсем не страшно умереть,

я рождена на горе и беду,
беги скорей, я шаха обожду».

Рамин вскочил и побежал во мгле,
подобно кем-то пущенной стреле,

а Вис легла под куст, и виноград

её красу рассматривать был рад.

И шах нашёл её усталой и нагой
и стал бранить и бить её ногой:

«А ну вставай, и быстро говори,
где ключ взяла ты от входной двери,

как в сад вошла, где спрятался Рамин?
Встань передо мной, я твой властелин,

но вижу я тебе всё нипочём,
таких, как ты, лечить надо мечом».

Он взял за волосы и вынул меч,
чтобы сейчас ей голову отсечь.

Но тут вмешался Зард: «Великий царь,
ты вспомни, что с тобою было встарь,

когда её ты как-то потерял,
ты сколько пережил, перестрадал,

я видел всё, поверь мне, и врагу
такого пожелать я не могу.

Считаю я, царица не грешна,

в саду нет никого, она одна.

Я воинам твоим отдал приказ,
они прошли весь сад десятков раз

и стены осмотрели, нет следов,
спокойней будь». От этих слов

смягчился шах и наконец с женой
отправился он под руку домой.

И всё же не стерпел он по пути
спросил: «Как ты смогла уйти,

ведь ты не див, не дьявол, из дворца,
скажи мне правду, научи глупца».

Так он просил и Богом заклинал,
что Вис сказала: «Бог мне помогал,

он покровитель мой, а ты же, шах,
позоришь, бьёшь и держишь в кандалах,

Меня, невинную ты растерзать готов,
убить мечом, как ты разишь врагов.

Но есть творец, несёт он благо мне,

хранит и радует, не то, что ты жене
приносишь горести, печаль и страх,
ты с Богом борешься, несчастный шах.

Вчера тоска измучила меня,
страдала я, как грешник от огня,

просила я, чтоб кто-то мне помог,
и услышал мои молитвы Бог,

и ангел прилетел, меня, как брат,
на руки взял и вынес в этот сад.

И было мне на сердце так легко,
все беды оказались далеко,

я спать легла, но тут раздался гром,
проснулась, вижу, ты стоишь с мечом,

а больше я не знаю ничего,
в том нет греха ни капли моего.

Была бы я грешна или врала,
навряд ли безмятежно так спала».

И шах поверил и признал вину,

и одарил нарядами жену,

кормилицу отменно наградил
и за вином всё старое забыл.

Вот так бывает: проживи, хоть век
в веселии и счастье человек,

ему тот век покажется, как час,
лишь начал жить, а смерть уже у вас.

Но если в горе человек живёт,
ему секунда тянется, как год.

Так значит надо сильно не мудрить,
а жизнь свою в веселии прожить.

38. Моабад приглашает Шахро и Виро и устраивает пир

Стояло лето, был приятный день,
цвели цветы, и все, кому не лень,

в садах гуляли, будто бы в раю,
хвалили бога, также жизнь свою.

Мир нежился под звуки знойных птиц,

казалось, нет ни горя, ни темниц.

В саду на пир однажды собрались
сам шахиншах и с ним царица Вис,

прибыли гости: старая Шахро,
с ней сын её – прославленный Виро.

Вельмож собрал великий господин,
среди них выделялся брат Рамин.

Веселье там хлестало через край,
сказал шах музыканту: «Поиграй

и спой мне, чтобы поняли все вновь,
что означает чистая любовь».

И он запел: «Среди моей страны
я вижу дуб большой величины,

его вершина небо достаёт,
под ним родник живительный поёт,

вокруг цветов струится аромат,
к ним мотыльки и бабочки летят.

А возле дуба поселился бык,

он молод и по-своему велик.

Он щиплет травку, пьёт из родника,
и жизнь его приятна и сладка.

Так пусть всегда струится тот родник,
и рядом с ним пасётся этот бык,

а дерево, не ведая беды,
пусть щедро дарит им свои плоды».

Закончил песню музыкант-игрок,
и понял шахиншах его намёк,

что дуб, вознёсший крону к небесам,
всего скорее это он есть сам,

а Вис – родник, а бык – Рамин,
что посмеялся музыкант над ним.

Всё понял и взбесился шахиншах,
и кровь застыла в бешеных глазах,

и был он страшен, непомерно зол,
схватил Рамина, повалил на пол

и вынул нож: «Оставь жену мою,

не отречёшься, как щенка, убью!»

Рамин поклялся Богом и огнём:
«Пока живу, я буду день за днём

стремиться к ней. Она – моя душа,
моя любовь, царица, госпожа.

В темницу брось меня, или убей,
я буду думать всё равно о ней».

Шах Моабад был грозен, словно джин,
но сильно пьян, и вырвался Рамин,

и скрылась во дворце царица Вис,
за ней и гости вскоре разошлись,

а Моабад пороками сражён,
спал до утра. На утро, к счастью, он

не помнил ничего. Вино и страсть
над ним установили свою власть.

39. Бего даёт Рамину хороший совет

Назавтра рано, утренней порой
пришли друзья Раминовы гурьбой,

а тот грустил, и за ночь сотни раз
он слёзы лил из покрасневших глаз.

Друзья спросили: «Что, Рамин, с тобой,
ты мрачный, бледный и совсем худой?»

Перед друзьями тайну он открыл,
всё рассказал ни что не утаил.

Среди друзей был и Бего-мудрец,
он был Рамину, как родной отец,

он много видел, ещё больше знал.
Вот и сейчас Рамину он сказал:

«Ты знаешь, мне тебя немного жаль,
к лицу ль тебе, властителю, печаль,

ты, как и все, когда-нибудь умрёшь,
из мира преходящего уйдёшь,

так для чего сейчас печаль, тоска,
зачем губить себя наверняка,

предайся радости, забудь о всём
пусть счастье в сердце вырастет твоём».

Рамин ответил: «Ты Бего – мудрец,
но ты не слышал, видно, стон сердец,

которые разбиты и в крови
страдают днём и ночью от любви.

За что Всевышний невлюбил меня?
Сгорает моё тело без огня,

все беды на меня, как воды с гор,
и жизнь моя – невзгоды и позор».

Бего ему: «Послушай, дорогой,
ты недоволен собственной судьбой,

ты жизнь клянёшь, не зная, что она
и радости и счастья полна.

Ты как купец, то слышишь денег звон,
то на большой убыток обречён.

Тот, кто любовь посеял, должен знать,
что можно урожай и не собрать,

бывает так: безумная любовь
огнём своим поранит глаз и бровь,

чтоб от любви такой не умереть,
ты в жизни должен всё перетерпеть.

Я чую, ты запутался в сетях,
словно баран подраненный в кустах,

но выручал тебя порою рок,
тебя, словно младенца, он берёт,

но, может, в трудный час и не сберечь,
и голова спадёт на землю с плеч.

Чтоб не казался тебе горьким свет,
послушай друга искренний совет,

чтобы любовь безумную изжить,
другую деву надо полюбить.

Покинешь Вис ты на один лишь год,
и рана сердца тут же заживёт.

Ты получил от Вис всё, что хотел,
но ведь всему на свете есть предел,

люби её ещё хоть тыщу лет,
не будет пользы, но отыщешь вред.

Ты с братом на ножах, и стар, и млад
тебя не любят, все тебя бранят,

какая память будет о тебе?
Как о несчастном воре и рабе.

С небес на землю, друг мой, опустишь,
и ты найдёшь красавиц слаще Вис.

Тебя одна преследует беда,
ты лун других не видел никогда.

Твои друзья уже давно цари,
ты с них, Рамин, сейчас пример бери».

Сказал Рамин: «Я выслушал совет,
хоть мне не мил сейчас весь белый свет,

я всё-таки использую его:
я вырву Вис из сердца моего,

и никогда, нигде, поверь мне, вновь
я в сердце не пущу к себе любовь.

Я завтра брошу всё и в – дальний путь,
пора мне от безумства отдохнуть».

40. Поучение, наставление и вразумление Вис шахом Моабадом

И в тот же миг, и в тот же самый час
шах Моабад жене давал наказ.

Он говорил ей добрые слова:
«О госпожа, ты не была права,

когда себя неправильно вела,
ведь ты меня с ума чуть не свела,

из-за тебя смеются надо мной
и умный, и дурак, здоровый и больной.

Ну будь же ты царицей до конца,
сольются пусть на век наши сердца,

и стань же ты владычцей моей,
я этого хочу всего сильней,

садись на трон, владей не только мной,
но и людьми и всей моей казной,

ты только прикажи и весь народ
перед тобой на землю упадёт.

Но попрошу тебя лишь об одном:
я признаю себя твоим рабом,

но чтобы нас не мучила беда,
прошу тебя не лги мне никогда.

Скажи мне правду, от тебя я жду
любовь и счастье, только не вражду.

Мне надоела уж такая жизнь,
смени свой нрав, моя царица Вис».

И сердце Вис растаяло, как лёд:
«Великий царь, пусть слава и почёт

останутся в согласии с тобой
ведь то, что предназначено судьбой,

ни ты, ни я не сможем изменить,
тебе судьбой назначено царить,

меня же создал не такую Бог,
я вроде бы красива, как цветок,

но нет мне доли, у меня судьба
страшнее чем у грязного раба,

я счастье жду, но счастье это вдруг,
судьба, как лев, рвёт с жадностью из рук.

Клянусь тебе, что больше никогда
не причиню тебе ни горя ни вреда,

мне трудно жить, меня терзает стыд,
душа моя несчастная болит,

не для меня безумная любовь,
что губит разум, воспаляет кровь,

Рамина выжгу из души огнём,
я больше слышать не хочу о нём».

И помирились Вис и шахиншах,
забыли ссоры и глаза в слезах,

забыли всё, друг друга ублажать
они тот час легли в свою кровать.

41. Вис и Рамин расстаются, обиженные друг на друга

Рамин прислушался к словам Бего
и внял советам мудрым от него,

а потому он брата попросил,
чтоб тот в его на службу отпустил

в Хойстан, Гурган или ещё куда,
где в полководцах велика нужда.

Услышав это, грозный Моабад
был, как дитя конфетке вкусной, рад.

Оповестил всю знать он, что Рамин
в Ираке будет главный господин.

И вот Рамин уже собрался в путь.
Он к Вис пошёл, чтоб на неё взглянуть.

Она же в этот час взошла на трон,
Рамин вошёл и сел с ней рядом он,

а Вис вскричала: «Ну-ка вон пошёл,
ты раб, не для тебя этот престол!»

Рамин вскочил с обидою в груди:
«От женщины, Рамин, добра не жди,

у женщины любовь – ослиный хвост,
как не мечтай, не вырастет до звёзд.

И как я мог довериться хвосту,
позволив себя ввергнуть в темноту,

и для чего я молодость губил,
взамен одно лишь горе получил.

А вот сейчас пришёл на помощь Бог,
он боль любви из сердца враз исторг,

сказал: «Беги, куда глаза глядят,
да никогда не пей любовный яд,

а если ты сейчас не убежишь,
то будешь жить, во прахе словномышь».

И он пошёл, но спохватилась Вис:
«Постой, Рамин, прошу, остановись,

не ты ли обещал меня одну
любить как Солнце или же Луну,

всегда со мной быть рядом, а теперь
ты убегаешь, словно дикий зверь».

Он понял всё и повернул назад,
обнял её, и вместе вышли в сад.

А там Рамин и Вис в тиши опять
друг друга стали жарко целовать.

Вис разрыдалась: «О мой милый друг,
отъездом ты добавишь новых мук

той, что ещё недавно ты любил,
я – та же Вис, иль ты о том забыл,

ведь я всегда была нежна с тобой,
быть может, ты торопишься к другой?»

Рамин ответил: «Богом поклянусь,
тебя люблю, а вот врагов боюсь,

они вредят нам, даже простомышь
враждебна, если ей не угодишь,

и ждёт меня услада всех услад –
бокал вина, в который кто-то яд

сумеет незаметно подмешать,
а я пока не думал умирать,

я жить хочу, расстанемся на год,
а там, быть может, нам и повезёт.

И скорбь пройдёт и разгорится вновь,
как пламя, наша чистая любовь».

Сказала Вис: «Да, ты, наверно, прав,
но у тебя такой горячий нрав,

что, встретив девушку в чужой стране,
ты тут же позабудешь обо мне.

А женщины, я слышала, тех стран
имеют один маленький изъян:

они мужчин умеют обольщать,
им невозможно противостоять».

Рамин ответил: «Если бы Луна
меня желала, даже бы она,

ни с чем осталась, вся их красота
не стоит ровным счётом ни шута,

пусть поцелуи их сладки, как мёд,
пусть каждая бессмертие даёт,

пусть чарами влекут к себе мужчин,
я выше чар, поверь мне, твой Рамин

горячим сердцем и больной душой
останется всегда с тобой одной».

Поцеловались, Вис к себе пошла,
а он помчал быстрее, чем стрела.

Прошёл лишь миг, всего один лишь миг,
а скорбь уже завоевала их.

Рыдала Вис и слёзы лил Рамин,
для слёз всегда не мало есть причин,

а тут разлука, почитай на год,
никто не знал, что он им принесёт.

42. Рамин влюбляется в Гуль

На новом месте жизнь совсем не та,
не то, что дома, что в родных местах,

однако же Рамин для скуки не имел,
ни времени, ни воли. Сотни дел

его не оставляли ни на миг,
он как правитель многого достиг,

искоренил злодейство, помогал

убогим, бедным. Нищим он раздал

несметное количество даров,
он осчастливил стариков и вдов.

Зажил народ в веселье, как нигде,
в довольстве, радости и чистоте.

Устав от этих многотрудных дел,
он отдохнуть с друзьями захотел,

и началась охота по утрам,
веселье и пиры по вечерам.

Рамин однажды ехал на коне
и деву повстречал, подобную луне,

такой благообразной красоты
не видели во век ни я, ни ты.

Её глаза, как в божий рай трамплин,
коса её погибель для мужчин,

никто от старика и до юнца
взгляд отвести не в силах от лица.

Стан у неё – красавец кипарис.

Рамин отметил: «Точно, как у Вис».

И тут же на него сошёл туман,
любовь в царя метнула свой аркан.

И сердце вдруг заколотилось так,
что не поймёшь, иль в такт, или не в такт.

А Гуль, так звали её мать с отцом,
к Рамину подошла, своим лицом,

как Солнце, осветило всё вокруг,
затмив красой своих земных подруг.

Сказала Гуль: «Великий царь, в наш дом
тебя зовут нижайше мать с отцом,

сойди с коня, далёким был твой путь
теперь не грех бы было отдохнуть,

у нас есть дичь и лучшее вино,
я думаю, тебе понравится оно,

всю ночь мы будем души веселить,
и я тебя сумею ублажить».

Рамин влюбился в Гуль – судьбы каприз,

и тут же позабыл подругу Вис.

Рамин ответил: «Светлая луна,
ты мне должна светить всегда одна

и как зовут тебя, открой секрет,
пойдёшь ты замуж за меня или нет?»

И Гуль ответила: «Великий царь,
отец Рафед мой, мать зовут Гохарь,

у каждого из них богатый род,
их чтит и славит наш простой народ.

А я же Гуль, и значит я цветок,
что розой величает весь Восток,

и от меня исходит аромат,
как от цветка, – так люди говорят,

красивый стан оставлен мне отцом,
мать наградила солнечным лицом.

А ты Рамин, известный шаха брат,
тебя послал сюда великий Моабат,

подальше от распутницы жены,

с которой были вы всегда дружны.

Да и сейчас ты думаешь о ней,
ждёшь не дождёшься тех счастливых дней,

когда назад ты сможешь ускакать,
чтоб Вис, как прежде, к сердцу прижимать.

Вот так бесстыдно и грешно любя,
вы на весь мир ославили себя,

и брата твоего накрыл позор,
хоть он и не убийца, и не вор».

Рамин ответил: «Гуль, не упрекай
несчастливого любовника, узнай

вначале, что ему любовь дала,
а что коварная отобрала.

Я знаю, что того мне не вернуть,
я всё забыл, и ты о том забудь.

Я Богом поклянусь перед тобой,
хоть я Рамин, но я уже другой».

Она ему: «Ты мне не ставь тенёт,

я не из тех кто в них сама идёт,

мне не нужны ни войны, ни трон,
ни слава, ни величие. Смешон,

кто думает, что женщине нужна
для счастья только царская казна.

А я хочу, чтоб ты меня любил,
чтобы всегда со мною рядом был,

чтобы о Вис не вздумал вспоминать,
тогда смогу твоей женою стать».

И в тот же день и Солнцем, Луной,
Рамин поклялся перед всей роднёй,

что будет верен Гуль, что никогда
не вспомнит Вис, зачем ему вода,

когда в кувшине вкусное вино,
которым пренебречь и глупо и грешно.

Гуль тоже пред родными поклялась,
и свадьба без задержки началась.

43. Свадьба Рамина и Гуль-Розы

Такую свадьбу не видал народ,
подаркам, золоту все потеряли счёт,

все улицы, дороги, каждый дом
усыпаны, как снегом, серебром,

а вечерами от сиянья свеч
Луна и Солнце забывали речь.

Вино струилось, как река Ефрат,
не день, не два, а тридцать дней подряд.

От грома музыки, вина, утех
кружились головы у молодых и тех,

кто рядом был, кто свадьбу прославлял,
кто за здоровье пил, забот не знал.

А через месяц, проводив гостей,
Рамин, как раб, служил жене своей,

он восхищался дивной красотой
и был доволен собственной судьбой.

Рамин однажды Розе-Гуль сказал:

«Такой красы я прежде не видал,
ты краше Вис, но всё же я скажу,
что что-то общее а обеих нахожу,
хоть я забыл о той уже давно.
Мне Богом жить с тобою суждено».

Гуль рассердилась и ему: «Злодей,
ты вспомнил о развратнице своей,
но позабыл о клятве, что мне дал.
Так значит, ты всё это время лгал.

44. Письмо вероломного Рамина к Вис

Рамин жену серьёзно огорчил
тем, что о Вис при ней заговорил,
но, спохватившись вовремя, вину
сумел загладить, убедив жену,
что больше никогда подобных слов
не скажет он. Как всякий пустослов
покаялся Солнцем, небом и Луной
и вымолил прощение у той.

Рамина Гуль простила в этот раз,
он повинился, и пошёл тотчас

письмо писать. Как вероломный лис
письмо тайком отправил своей Вис.

Он написал: « О Вис, я словно вор
через любовь нажил один позор.

Я Бога прогневил, и мой народ
меня позорит, хает и клянёт,

весь мир уже смеётся надо мной
за то, что я был некогда с тобой,

и люди порицают эту связь
и говорят об этом, не боясь.

Из-за тебя я людям стал постыл,
последний вор и тот меня судил.

Из-за любви я потерял покой
и больше не хочу любви такой.

Когда огонь любви настиг меня,
я пожелтел от этого огня,

стал немощным и хилым, как старик,
словно песком засыпанный родник.

Знай, Вис, что есть на белом свете Бог,
который пожалел меня, я смог

забыть тебя, я здесь обрёл покой,
живу теперь с красавицей женой,

не жди меня и покорись судьбе
я не приеду никогда к тебе».

Гонец загнал до смерти трёх коней,
чтобы письмо доставить поскорей.

А вот когда он прискакал в Морав,
письмо вручил царю, тот прочитав

его, был удивлён, но больше рад,
что не вернётся брат Рамин назад.

Письмо он бросил Вис: «Бери, читай,
забудь его, о нём и не мечтай.

Ты не нужна ему, ему Господь
жену подал, чтоб успокоить плоть».

45. Вис получила письмо Рамина

Вис подняла письмо, и злой огонь
промчался по душе, как дикий конь,

и сердце застучало: «Чем так жить,
уж лучше перерезать жизни нить».

И только страх и стыд перед толпой
заставили казаться ледяной,

хотя внутри она сгорала в прах,
смеясь, она сказала: «Шахиншах,

пора уже прошедшее забыть,
что было, то прошло, нам надо жить.

Если Луны на небосводе нет,
то значит Солнце льёт на землю свет,

ты свет очей моих, мой господин,
и мне не нужен никакой Рамин».

Когда же Моабад ушёл, она,
оставшись в своей комнате одна,

упала навзничь. Слезы, как арык,

умыли желтизной цветущий лик,
и сердце бедное, уставшее терпеть,
намерилось из тела улететь.

Стонала Вис и била себя в грудь,
царапала лицо, чтобы хоть чуть,

тоску и боль истерзанной души
страданиями тела приглушить.

На счастье тут кормилица вошла
и за руку страдальицу взяла:

«Не надо издеваться над собой,
свершится, что начертано судьбой,

но только торопить не надо смерть,
я, например, желаю умереть

от жажды злой, но только лишь тогда,
когда иссякнет на земле вода,

а с голода тогда покину свет,
когда узнаю – что еды здесь нет.

Когда душа умчится в рай иль в ад,

зачем тогда Рамин и Моабад,

они лишь посмеются над тобой
и развлекутся с женщиной другой.

Рамин женился? Это не беда,
мужчинам женщины, считай, вода,

чтоб жажду хоть немного утолить
берёт красотку, начинает пить».

Вис ей в ответ: «Не утешай меня
и не учи терпеть, любви огня

я не залью терпения слезой,
мой муж – старик, любовник молодой

меня покинул, я опять одна,
и ни кому теперь я не нужна.

Мне остаётся только слёзы лить
и Господа о гибели просить.

Влюблённые, послушайте меня,
бегите от любви, как от огня,

не дайте ей вам души опалить,

трудней всего огонь любви гасить.

Не пестуйте своей любви ростки,
цветы нежны их, а плоды горьки.

Кормилица, всему виною ты,
ты довела меня до слепоты,

ты отняла мои и стыд, и честь,
я приняла за правду твою лесть,

ты обещала, что меня Рамин
будет любить всегда и нет причин,

чтоб на его любовь не отвечать.
Что ж ты умеешь сказки сочинять.

А потому вставай, готовься в путь,
ты мне должна любовника вернуть.

Найди его и так ему скажи:
«Ты, лицемер, покрылся слоем лжи.

Ты скорпион, ты ядовитый змей,
тебе не место жить среди людей,

Не ты ли, уезжая, обещал

любить меня одну, а сам кинжал
измены гадкой в сердце мне вонзил.
Нет, ты не мне, себе ты изменил.

Ну хорошо, ты взял себе жену,
храни вас Бог, но истину одну
скажу тебе, она, как мир, стара:
кто золото найдёт, не бросит серебра.

Ещё запомни навсегда, Рамин,
коль розу посадил, не вырубай жасмин.

Скажи ему: «Оберегай жену,
но и любовницу не оставляй одну».

Кормилица в ответ: «Не надо слёз
я как-нибудь решу этот вопрос,

ради тебя не пожалею сил,
всё разузнаю. Раз тебе он мил,

попробую помочь твоей судьбе,
и сердце обратить его к тебе».

Рамин ей встретился, вечернею порой

с охоты возвращался он домой.

Кормилицу увидев, впал он в гнев,
накинулся на женщину, как лев:

«Нечистый дьявол, убирайся вон,
мне твой привет не нужен и поклон,

мне не нужны ни Вис, ни Моабад,
пока жива, скачи скорей назад,

ты принесла несчастье Вис и мне,
и Моабладу и моей стране.

Могу совет тебе с царицей дать:
молиться Богу и с надеждой ждать,

что Он простит вам непомерный грех.
А я бы не простил и отомстил за всех,

кого вы колдовством и ворожбой
заставили страдать. А я теперь другой,

я внял советам правых мудрецов
и запер своё сердце на засов.

Домой приедешь, так Вис передай,

я больше не грешу, надеюсь я на рай,
пусть любит мужа, он совсем не плох,
хотя из-за неё, словно трава, иссох».

Ударил он коня и в тот же миг
как Солнце ночь, пыль скрыла его лик.

Кормилицы надежды не сбылись,
ни с чем пришла она к царице Вис.

Та ожидала сладостную весть,
пришлось же горькую и пить, и есть.

46. Вис заболевает от горя

Вис заболела и слегла в постель
в беспамятстве, как будто хмель

её на ложе горя уложил
и силу вынул из костей и жил.

Прислужники шептались меж собой,
всё объясняя чёрной ворожбой.

Созвали лекарей из разных стран
и мудрецов, кем знаменит Иран,

астрологов и даже колдунов,
но всё напрасно, вывод был таков.

Одни сказали, мол, она больна
из-за Весов, куда вошла Луна,

другие говорили будто бес
к ней в душу или сердце влез,

а третьи обвиняли поваров,
но ни один не вспомнил про любовь.

А Вис рыдала, непрерывный плач
её терзал, как живодёр-палач.

Когда из дома отлучался шах,
Вис говорила, плавая в слезах:

«Влюблённые, глядите на меня,
как я горю от адского огня,

Рамина сердце – кремень, моё – трут,
они меня когда-нибудь сожгут.

Не верьте, женщины, мужским речам,
своим не верьте ни ушам, и ни очам.

Я отдала ему добро, он злом
мне отплатил и, видно, поделом,

я, словно птица, залетела в сеть,
а из неё один лишь выход – смерть».

47. Разговор Вис с Мишкином

Однажды к Вис зашёл мудрец Мишкин,
он знал, что значит для неё Рамин,

и перед ним поплакала она,
поведала, как сильно влюблена,

и попросила, чтоб помог мудрец
соединенью раненых сердец.

Сказала Вис: «Ты раньше знал меня,
тебе известна вся моя родня,

была я тихой, скромной, молодой,
блистала чистой Утренней звездой,

а нынче погляди, я ненавистна всем,
меня терзают тысячи проблем,

а я царица, сесть должна на трон,

но не могу, все думы занял Он.

И каждый час и по ночам, и днём
я думаю и думаю о нём.

Он мне письмо обидное прислал,
в нём пишет, что другую повстречал

и что другую ту назвал женой,
и этой радостью он делится со мной.

Послала я кормилицу к нему,
чтобы узнать, как там и почему.

Но он её унизил, оскорбил,
как будто сам ни разу не грешил.

Из-за него я сделалась больной,
я постарела, сделалась дурной,

я не могу ни встать, ни толком лечь,
как будто в грудь вонзили жгучий меч.

Тебя прошу, мудрец, лишь об одном,
ответь Рамину правильным письмом,

ведь ты мудрец, ты знаешь, что писать,

ты повернёшь его ко мне опять,

и если ты его соединишь со мной,
во веки стану я твоей рабой».

48. Первое письмо Вис к Рамину

Чтоб снять с царицы Вис тоски ярмо,
от имени её он написал письмо:

«Привет, Рамин – привольный кипарис,
от сохнувшей лозы, твоей когда-то Вис.

Огонь разлуки жалит, как змея,
из-за тебя в огне сгораю я.

А ты пируешь, весел как всегда,
тебе и честь, и верность – ерунда.

Но помни, что изменчива судьба.
Что отличает шаха от раба?

Один лишь миг, сегодня кто-то шах,
а завтра он уже повержен в прах.

Была я чистой, как роса с небес,
прекрасней всех известных мне принцесс,

и ни один мужчина не сказал,
что мной когда-то где-то обладал.

Ты поступил со мною, как злодей:
сначала песни пел, как соловей,

а после, обесчестив, как удав
душить стал. Наконец, сбежав,

забыл о клятвах и признаньях, ты
убил любовь и светлые мечты.

Ты думаешь, наверно, что жена
тебе не надоест? Настанут времена,

и ты, оставив Гуль, сбежишь назад,
и кто тогда тебе здесь будет рад?

И только я – ущербная Луна –
буду всегда во всём тебе верна.

Не обессудь, я письма буду слать
до той поры, пока смогу писать.

49. Второе письма Вис к Рамину

Мне много надо рассказать тебе
о моих думах, о моей судьбе,

о том, что жить на свете нелегко,
когда ты где-то очень далеко,

и нет мне отдыха и нет мне сна,
не ем я ничего, не пью вина,

я словно кедр, сломанный грозой,
упавший наземь и совсем гнилой.

Я высохла, и стала, как доска,
боюсь, загонит в гроб меня тоска.

Любимый мой, когда ты был со мной,
цвела я розой летом и зимой,

теперь же я иссохшая трава
и нет несчастнее на свете существа.

Мне говорят, что я больна и мне
надо найти врача, в нашей стране

такого нет да и не может быть
лишь ты меня сумел бы исцелить.

50. Третье письмо Вис к Рамину

Пишу письмо и думаю о том,
как сладко было нам с тобой вдвоём,

но ты уехал и меня предал,
при этом душу у меня забрал,

и я теперь не знаю, как же быть,
как без души на белом свете жить.

Она стремится за тобою вдаль,
но что находит? Лишь одну печаль,

одни мечты, твои, Рамин, слова,
что были слаще даже чем халва,

твою любовь забытую совсем.
Я потому не сплю, не пью, не ем.

Когда передо мной встаёт Луна,
твой лик напоминает мне она,

когда увижу кипарис в саду,
то я бегу к нему или иду,

хочу обнять его, перед собой
я вижу лишь тебя, любимый мой.

51. Четвёртое письмо Вис к Рамину

Рамин, скажи, зачем ты от меня
сбежал, словно Луна от света дня,

зачем спешишь ты стать моим врагом,
прошу тебя, хоть напиши о том?

Мне говорят, мол, перестань стонать,
изменникам не надо потакать,

на свете много молодых мужчин
покраше и сильнее, чем Рамин.

Я соглашусь, но только сердце мне
твердит одно: «Терпи, он о жене

забудет скоро, снова будет твой,
и, может, станешь ты его женой».

Я пожелтела, ты же как сосна,
что и зимой, и летом зелена,

твоя любовь, Рамин, всегда жива.
Скажу тебе, мой друг, ещё слова:

«Надеюсь встретиться ещё с тобой,
чтоб распрощаться навсегда с тоской».

52. Пятое письмо Вис к Рамину

Разлука для влюблённых хороша,
когда изменой не полна душа,

когда о встрече думают они,
тогда быстрее текут в разлуке дни.

А у меня в груди торчит кинжал,
он сердце мне и душу истерзал.

И мне от боли той спасенья нет,
как от других невыносимых бед,

я призываю для спасенья смерть,
но не дано мне, видно, умереть,

тебя не встретив, я надеюсь Бог
поможет мне. Хотя ты и жесток,

но он заставит пожалеть о том,
что ты сбежал и позабыл о всём

и что меня не хочешь вспоминать.
Мне остаётся лишь одно – страдать.

53. Шестое письмо Вис к Рамину

Рамин, ты раньше добрым был ко мне,
горели мы с тобой в одном огне,

я видела, как ты вздыхал и слёзы лил,
как о любви всегда меня молил,

и я была послушна и нежна,
как солнца луч, как ранняя весна.

Я всё дала тебе, что ты хотел,
ты гордость девичью обманом одолел.

Но всё же сладко было нам вдвоём,
зачем, Рамин, ты позабыл о том?

А я тебя по-прежнему люблю,
ты яд мне льёшь, а я тебя хвалю.

54. Седьмое письмо Вис к Рамину

Прекрасное созданье моих дум,
я без тебя растратила весь ум,

перед глазами только образ твой,
такой же милый, сильный, волевой,

такой же добрый, любящий меня.
Я помню, ты не мог прожить и дня,
не свидевшись со мной, а вышло так,
что ты сбежал, как самый ярый враг,
и на чужбине я теперь одна,
видать судьба такая мне дана.
Я умираю без тебя, а ты
меня забыл и наши все мечты
разрушил, погубил. Как ты жесток,
моей любви доверчивый цветок
ты в грязь втоптал безжалостной ногой,
вдобавок ко всему женился на другой.
В тебе вражда, во мне живёт любовь,
пишу тебе об этом вновь и вновь,
прошу тебя восстань, иди ко мне,
и я забуду о твоей вине.

55. Восьмое письмо Вис к Рамину

О облака, наполнены водой,
поплачьте над моей несчастною судьбой,

но я боюсь, что в тучах, облаках
поменьше влаги, чем в моих глазах,

хотя теперь всё чаще вместо слёз
кровь капает из глаз. Никто всерьёз

не хочет мне помочь, и я одна
без радости, без ласки и без сна.

Не знаю сколько мне ещё терпеть
и жить нельзя и страшно умереть

здесь без тебя, мой дорогой Рамин,
я жду тебя, ведь только ты один

избавить можешь Вис от слёз и мук
с тобой забуду я про свой недуг.

56. Девятое письмо Вис к Рамину

О, мой желанный, я уже писать
не в силах больше, больше рассказать

о муках и страданиях моих
я не смогу, тебе ж не видно их.

Я к сердцу обращаюсь твоему:

«Хозяину поведай своему,
что ты не камень, что меня любить
ты продолжаешь и меня забыть
не хочешь ты, ну обратись к нему,
чтобы помог он горю моему».

57. Десятое письмо Вис к Рамину

Вис снова обращается к писцу:
«Твои дела приблизились к концу,
хочу ещё одно письмо послать
и можешь, сколько хочешь отдохнуть».

Затем слугу Адина призвала,
сказала: «Поезжай вместо посла

к Рамину – повелителю души
с письмом, но только поспеши,

скачи без отдыха и ночь, и день,
как хищником напуганный олень.

Отдав письмо, поведай на словах,
что я сгораю от любви в слезах,

что жду его я каждый день назад.
Не будет нам помехой Моабад,

ведь он лишь по названию шахиншах,
а сам то на охоте, то в пирах,

его сокровища теперь доступны мне,
ты станешь главным богачом в стране.

Напрасно ты уехал из страны,
здесь слуги были бы тебе верны,

ты был бы самый главный генерал,
тебя бы каждый воин уважал,

ложился спать бы, и всегда с тобой
ложились Вис, хранящая покой».

Адина выслушал внимательно наказ,
вскочил в седло и мигом скрылся с глаз.

А Вис одна осталась во дворце
в слезах и со страданьем на лице.

58. Рамин вспоминает Вис

Не так уж много времени прошло,
ещё следы песком не замело,

ещё и дождик землю не смочил,
ещё не вызрел по горам кизил,

ещё никто подумать не успел,
а уж Рамин к супруге охладел.

Огонь желанья как-то в раз угас,
покрылся пылью радости алмаз,

любви и нежности иссяк родник.
Он вспомнил Вис, её прекрасный лик.

Когда выходит солнце из-за туч,
тогда сильнее обжигает луч,

так и Рамином овладела страсть,
он был готов в объятья Вис упасть,

он осознал вину, и слёзы вновь
пролили в сердце прежнюю любовь.

Рамин роптал на сердце и судьбу,
он говорил: «Да что это такое,
я с сердцем и судьбой веду борьбу
и нет от них мне ни на миг покоя.

На родине меня душила страсть,

я вынужден был убежать из дома,
оставил кров свой, родину и мать
и с женщиной связался незнакомой.

И вот теперь на мне тоски печать,
и вновь глаза мне разъедают слёзы,
не знаю почему, но отличать
не научился сон я от гипноза.

О сердце, ты заставило меня
забыть о Вис и дальний путь пуститься,
и вот теперь тебя всюю кляня,
не знаю как к любимой возвратиться.

Женился на другой, считал спасёт
от страсти и любви подобное решенье,
но вышло как-то всё наоборот,
и для меня, наверно, нет прощенья».

Его стенания услышал тесть,
он тут же дочери поведал эту весть.

59. Рафед рассказывает дочери о вероломстве Рамина

Сказал он как-то дочери своей:
«Твой муж – Рамин коварнее, чем змей,

из уст его течёт смертельный яд.
Он никому из нас уже не рад,

твою любовь отринул он давно,
поверь, тебе с ним жить не суждено,

от горьких трав и горькие плоды,
ты с ним ещё изведешь беды.

Я знаю, от любви ждала ты мёд,
а вышло всё, увы, наоборот».

Рамин же в эти дни был погружён
в свою печаль, словно в безумный сон,

он пожелтел и выглядел как труп
наверно, сам себе уж был не люб,

не замечал он ни друзей, и ни жену,
лелеял в мыслях только Вис одну.

Он сокрушался: «Как же я посмел
покинуть ту, с которой жить хотел,

о сколько бед и горя ей принёс,
а сколько было выплаканых слёз,

насмешек и кривляний за спиной.
Боюсь, что даже встретиться со мной

ей не позволит гордость и тогда
не излечу я душу. Навсегда

останусь безутешным и больным,
не нужным и ни ей и ни чужим.

Но если я погибну от тоски,
а не от вражьей воинской руки,

мне будет слава, вести обо мне,
как птицы, разлетятся по стране.

Мне только посмотреть бы на неё
и сердце успокоить бы своё,

а если б смог обнять и приласкать,
то и не надо было б умирать».

Так говорил Рамин. В своих мечтах
не долго он витал, как птица, в облаках,

вскочил в седло, помчался в Хорасан,
где Вис жила – Рамина талисман.

60. Рамин встречает Адину

Скакал Рамин и устал не знал,
его приятный ветер обдувал,

ему казалось, что прохладный бриз
ему послала королева Вис,

ему казалось, что дворцовый сад
навстречу шлёт цветочный аромат.

Рамин скакал и думал об одном –
о встрече с Вис, ну, а ещё о том,

что скажет ей, ответит что она,
простит иль нет, верна иль не верна.

Есть много тайн у любящих сердец.
Но в это время видит он – писец,

что письма для царицы сочинял,
навстречу едет, он его узнал,

и сердце застучало, зная, тот
Рамину весть какую-то везёт.

Амина поприветствовал царя,

письмо отдал, тот от любви горя,

схватил письмо, но прочитать не смог,
из глаз потёк кровавых слёз поток,

рассудок, словно птица, улетел
и долго возвращаться не хотел.

Но всё же он вернулся, наконец,
Рамин читал и слушал, что гонец

ему подробно рассказал о той,
к кому стремился всей своей душой.

Он выслушал и стал корить судьбу:
«Подачку ты даёшь мне как рабу,

зачем, негодная, смутила разум мой,
зачем ты издевалась надо мной,

мне так хотелось Вис мою опять
к груди прижать и нежно целовать».

61. Письмо Рамина к Вис

«О Вис, ты светишь ярче, чем Луна,
когда ты здесь, она мне не нужна,

живи, цвети, как солнечный цветок,
красой своею прославляй Восток,

пусть Солнце позавидует тебе.
Молю я небо о твоей судьбе,

и не хочу тебе писать о том,
что было прежде. Я покинул дом,

когда любовь ты стала разрушать,
я бросил родину, оставил мать,

умчал туда, куда глаза глядят,
как приказал великий Моабд.

Я допустил ошибку, но клянусь
её исправить, лишь домой вернусь,

я целый год прожил словно в плену,
прости за всё, я искуплю вину».

Рамин письмо посланнику вручил,
и тот помчался не жалея сил.

За ним Рамин, не мешкая, помчал,
но всё же он немного запоздал.

А Вис одна скучала во дворце,
она ждала с печалью на лице,
не ведая, что завтра принесёт:
печаль иль радость, сулему иль мёд.

Так дни её в неведенье текли.
Но как-то раз увидела вдали,
что скачет к ней какой-то верховой.
Амину увидала пред собой,

и сердце застучало, как в набат,
но всё не в такт, всё как-то невпопад.

«Амину, не томи, слезай с коня,
есть новость добрая сегодня для меня?»

«Конечно есть, Рамин спешит сюда,
быстрее, чем с неба падает звезда,

ещё он вам посланье написал».
Гонец письмо царице передал.

Всю ночь она сидела над письмом,
на радостях совсем забыв о том,

что сколько горя, ещё больше зла
ей пережить пришлось, всё унесла

из памяти одна благая весть.

Всё прошлое пустяк, важнее то, что есть.

Вис ожила, наряды подняла,
помылась в бане, волос прибрала,

алмазы, золото и серебро
и прочее бесценное добро

достала, наконец, из сундуков
и стала краше неба и богов.

Но день прошёл, и ночь уже прошла,
а Вис сидела молча и ждала.

62. Рамин приезжает в Морав

Все, кто из странствий возвращался вспять,
не мог от счастья в голос не рыдать,

Рамин, увидев издали Морав,
заплакал тоже и помчал стремглав,

чтоб хоть на миг, но раньше прискакать,

увидеть город, Вис свою и мать.

Рамин лишь ночью в город прискакал,
но всё ж его дозорный увидал

и сразу весть кормилице унёс,
та к Вис бегом: «Не надо больше слёз,

пришла на счастье и твоя весна,
взошла на небо радости луна,

спеши скорее, он уж у ворот
тебя с надеждой и любовью ждёт».

А Вис в ответ: «Чтоб не нажить грозу,
ты вниз сойди, там муж мой спит внизу,

быть может, и не спит, а дремлет он,
нашли же на него покрепче сон,

чтоб спал он, как убитый, до утра,
а я Рамина встречу, как сестра,

а может, как любовница. Я жду,
что ты сумеешь отвести беду».

Кормилица шепнула в свой платок

и завязала крепко узелок.

И покорился ведьме шахиншах,
уснул, как мёртвый, Вис же вся в слезах,

но с грозным видом села у окна,
Рамина так приветила она.

А тот, увидев Вис, возликовал,
он от неё лишь радость ожидал,

но, увидав её сердитый лик,
он огорчился и от горя сник.

«О Вис, ты солнце, ты моя звезда,
прости меня, я знаю, что вреда

тебе доставил больше чем враги,
но ты, прошу, мне всё же помоги

вернуть любовь, не жги меня огнём,
нам снова будет хорошо вдвоём.

И снова расцветёт любовь, как сад,
ты будешь рада, Вис, я тоже буду рад».

63. Ответ Вис

Разгневанная Вис сказала так:
«Твоя измена – это не пустяк.

Уйди отсюда и забудь меня,
не разжигай в своей груди огня,

считай, что мы ещё не рождены,
что нет Морава, нет ещё страны,

что ты меня не видел никогда,
уйди, Рамин, отсюда навсегда.

Ту боль, что ты изменой причинил,
и богатырь навряд ли б пережил,

так что тебе, изменник, мне на грудь
отныне навсегда заказан путь.

Вещички собери и мчи назад,
тебя ждёт Гуль, меня же Моабад,

его любовь награда для меня.

Чего стоишь, седлай скорей коня,

пусть унесёт он стыд мой и позор,

который на меня навлёк ты, жалкий вор,

укравший сердце у меня честь.

Но видит небо, в мире счастье есть,

пока супруг мой рядом, до тех пор
не будут люди помнить мой позор».

Сказала так, оставила его
и не раскрыла сердца своего.

Рамин остался и стоял всю ночь,
он и замёрзнуть был уже не прочь,

там боле с неба будто бы на грех
посыпал дождик, с ним колючий снег.

Вис, удалившись, плакала и так
себе сказала: «Что мне жалкий брак.

Вон Моабад лежит и видит сон
в тепле и неге, без заботы он.

А на Рамина туча слёзы льёт.
А если он простынет и умрёт?

Ну что же я бесстыжая сию,
пойду ему хоть что-нибудь скажу».

64. Вис снова говорит с Рамином

Она коню сказала: «Жаль, гнедой,
что твой товарищ больно уж плохой,

из-за него ты мёрзнешь на снегу,
увы, тебе ничем не помогу.

А вот на будущее дам совет:
товарищам таким ответствуй: «Нет!»

Рамину так сказала: «Уходи,
забудь меня, прощенья не жди.

Я так тебя любила, так ждала,
я только ради нас с тобой жила,

надеялась на встречу, только ты,
жестокосердный, растоптал мечты.

И не пытайся всё вернуть назад,
вино не превратится в виноград,

старик не станет снова молодым,
предавший раз – останется таким».

65. Ответ Рамина

«Не возносись речами к небесам,
напрасно волю ты даёшь словам.

Язык твой с сердцем явно не в ладу,
они в смятенье, как больной в бреду.

Ты говоришь одно, а сердцу невдомёк
зачем ты за упрёком шлёшь упрёк.

Что было, то прошло, забудь о том,
мы снова жить по-доброму начнём.

Я согрешил, но и Адам грешил,
и Бог его за это не убил.

Послушай своё сердце и прости,
позволь по жизни мне с тобой идти».

66. Ответ Вис

«Ты легкомыслен и попал в беду,
гореть тебе за всё, Рамин, в аду.

Измена ранит сердце, человек
с разбитым сердцем будет жить свой век.

В разбитом сердце места нет любви
хоть как её проси, хоть как зови,

она ушла, а в сердце лишь вражда,
нам вместе не ужиться никогда.

Жизнь без любви – нечестная игра,
я много тебе сделала добра.

А ты воспользовавшись добротой,
мне изменил и убежал к другой.

Я не могу всё это зло забыть
и не пойму, за что тебя любить.

Зачем в чужую убежал страну,
чтоб мне на зло найти себе жену?

Ты там развратничал и пировал,
смеялся надо мной и написал

письмо, в котором, как мужик бранясь,
ты вылил на меня всю ложь и грязь.

А вот теперь ты прискакал сюда.
Да я родник, но из него вода

не станет твою жажду утолять,
тебе ни с чем придётся ускакать».

67.

Рамин ответил ей: «О мой цветок,
мир так непрочен, как воды поток,

бывает холод, а бывает зной,
над нами Бог, он крутит шар земной,

ему подвластен каждый человек,
под Богом ходят и пастух, и бек,

и нищий муж, и грозный падишах
без божьей воли просто грязь и прах.

Я думаю, что и меня судьба
вела по жизни будто бы раба.

Когда мы познакомились с тобой,
твой нрав был нежным, как цветок весной.

Но время шло, я гнев твой испытал,
разве об этом я всю жизнь мечтал?

Чтоб от твоих причуд любовь спасти,

пришлось мне от тебя в Гораб уйти.

Там встретил Гуль, я так себе сказал:

«Я много пережил, перестрадал,

сойдусь я лучше с ней и, может быть,
смогу о Вис когда-нибудь забыть.

Любовь любовью лечится, о том
я знал лекарстве горьком и худом.

И вот я выпил тот смертельный яд,
и наяву познал, что значит ад.

Я бросил всё: богатство и жену,
я мчал к тебе, хотел тебя одну

в своих объятьях горячо держать,
забыв про братьев, про друзей, про мать.

Позволь загладить мне свою вину,
и миром завершим ненужную войну.

68.

Вис в скорби не жалела слёз. Она
по-прежнему сидела у окна

и, слушала Раминовы слова.
Прогнать его хотела голова,

а сердцем ей хотелось всё забыть,
чтоб пожалеть его и чтоб простить.

Но всё ж она сказала в свой черёд:
«Обманщик ты, я знаю наперёд,

что все твои слова сплошной обман,
ты их не прячешь от меня в карман,

а снова меня хочешь обольстить.
Я всё тебе, Рамин, могу простить,

ты ошибаться мог, нам Бог судья,
но одного не понимаю я,

зачем в письме меня ты обижал,
меня позорил, клеветы кинжал

вогнал мне в сердце. Как это понять
кормилицу – мою вторую мать

гнал, как собаку, палкой со двора.
За всё тебе ответ держать пора.

Меня рожала мать не для тебя.
Мне жаль её и жалко мне себя,

поэтому передо мной не стой:
я не твоя и ты уже не мой.

69.

Рамин ответил: «Знаю, твой язык
советы сердца слушать не привык.

Он говорит не то, что хочешь ты,
в итоге речи все твои пусты

и лицемерны. Ты сидишь в тепле,
а я стою на холоде во мгле,

измученный дорогой и судьбой,
молю и унижаюсь пред тобой.

Когда меня не хочешь ты принять,
то я тебя не стану умолять.

Пока живу, найду себе друзей
и обойдусь без милости твоей.

Я удаляюсь, хоть душа в слезах,
ну а тебя пусть любит шахиншах».

70.

Ему на это Вис сказала так:

«Тебе желаю счастья я и благ,

пусть путь твой будет гладким без камней,
я тоже не останусь без друзей.

Меня ты хаешь, называешь злой,
другие меня знают не такой».

Когда Рамин отъехал от дворца,
он был похож скорей на мертвеца,

а Вис, поняв, что всё не так пошло,
что прошлое навеки отцвело,

что было глупо просто так со зла,
прогнать того, кого всю жизнь ждала.

Она рыдала, била себя в грудь,
не зная как желанного вернуть:

«Как я глупа, что натворила я,
сама себя своей рукой убила я,

Судьба меня всю жизнь не берегла.

я снова себе горе нажила.

Кто мне поможет вылечить недуг?
Есть лишь один надёжный, верный друг».

Она кормилице, как матери своей,
сказала: «Помоги же мне скорей,

желала счастья выпить я глоток,
но чашу уронила за порог.

Всё, что ждала и что искала я,
всё растеряла, расплескала я.

Прошу тебя, Рамина догони,
останови его, назад верни.

Скажи ему, когда он возразит,
что нет любви на свете без обид,

влюблённые всегда должны уметь
надеяться, и верить, и терпеть.

Возможно, я немного не права,
я извинюсь за глупые слова».

Кормилица ушла, за нею вслед

Вис побежала, чтоб сказать привет,

когда ж она к Рамину подошла,
то снова речь о старом завела:

«Рамин, ты помнишь или же забыл,
как ты меня словами поносил,

мне было больно, до сих пор в груди
метут метели и идут дожди.

В твоём же сердце, как я поняла,
нет искры света лишь сплошная тьма.

Но стань судьёй, скажи, моя вина
только тебе иль всем вокруг видна,

что гадкого во мне? Лицо и стать
Луне и Солнцу ясному под стать,

все, кто посмотрят сразу скажут: «Вис
и вправду словно стройный кипарис».

Цветы, меня увидев, от стыда
цвести уже не будут никогда.

Я виновата? Да, себя не обелю,
но только в том, что я тебя люблю».

71.

Взволнованный Рамин ответил ей:
«Поверь мне, Вис, я не из тех людей,

что видеть не хотят своих грехов
и отдавать не думают долгов.

Я понимаю, дьявол надо мной
поиздевался, я же как больной

ему поверил, а теперь стою
и думаю, зачем же я свою

мужскую честь так глупо потерял,
когда тебя в бесчестье обвинял.

Твои упрёки – для меня урок,
который, к счастью, я усвоить смог,

в Хойстане жил без горя и забот,
но бросил всё, примчал сюда и вот

стою перед тобой и сам не знаю
страдаю я, а может, не страдаю.

Я никогда ни разу не сказал,

что ты плоха, мне Бог когда-то дал

алмаз, но я – увы – отверг его
взамен не получил же ничего.

Хотя теперь уже твоя краса
меня не трогает. Спасибо небесам,

что с глаз моих упала пелена.
В моей вине есть и твоя вина,

поскольку думаешь: ты лучше всех,
а потому и презираешь тех,

кто на тебя, к несчастью, не похож.
Я согрешил перед тобой, но всё ж

это не повод, чтоб меня убить.
Пока я жив, жену буду любить,

кроме неё никто не нужен мне,
надеюсь, что и я понадоблюсь жене.

72.

Вис зарыдала, и из глаз потёк
кровавых слёз безудержный поток.

«О радость сердца моего, Рамин,
не покидай меня, ты у меня один,

жить без тебя я просто не смогу.
Поверь же мне, я не смеюсь, не лгу.

Любовь ведь не бывает без причуд,
разлуки без печали. Люди ждут,

надеются на счастье и порой
от радости не дружат с головой,

и я ждала, надеялась с тобой
пойти по жизни общею тропой,

и только смерть могла б нас разлучить.
Рамин, Рамин, того не может быть,

чтоб ты меня покинул и забыл,
ты лучше вспомни, как меня любил,

а я клянусь, тебе буду верна
не как любовница, а как жена».

73.

Рамин ответил: «Сколько буду жить
себя лишь одного буду любить,

ну а на женщин, так тебе скажу,
под страхом смерти я не погляжу.

Зачем мне надо вечным быть рабом,
вертеться, словно змей под каблуком,

печалиться, скрываться, словно вор,
терпеть и унижение и позор.

Пусть пропаду я и отправлюсь в ад,
если меня посулы соблазнят,

я сердце своё вырву из груди,
если оно надумает блудить,

и стану жить без сердца, мне оно
даже на миг единый не нужно.

Как хорошо, что ты, как жёны все,
предстала предо мной во всей красе

и показала всю жестокость и всё зло,
считаю, мне ужасно повезло,

что был я прахом, нынче небом стал,
был сорняком, а нынче хлебом стал,

что был рабом, а ныне стал царём,
жить одному, приятней чем вдвоём.

74.

Вис отвечала так: «О свет очей,
уж лучше ты несчастную убей,

чем бросить так на произвол судьбы,
прими же покаянья и мольбы,

я виновата, каюсь, пред тобой,
но не рази презрения стрелой,

ведь даже царь, когда и он влюблён
прощает женщин, если он умён.

Среди влюблённых ссоры – это вздор
но и страдать им – это не позор.

Не вспоминай мои никчёмные слова,
их говорил язык, не голова.

Из-за любви к тебе я потеряла ум
всё от тоски, обид и неприятных дум.

Решай, Рамин, останешься со мной

или уйдёшь, обидевшись, к другой,
но только знай, любимый, всё равно
к тебе зайду не в двери, так в окно».

Так умоляла Вис его, но он
был твёрд. И ни слеза, ни стон

на сердце лёд не растопили. «Нет» –
на всё был у него один ответ.

Так и вернулась Вис ни с чем назад,
домой, где спал беспечный Моабад.

75. Как Вис и Рамин снова сошлись

Как только Вис ушла домой, Рамин,
оставшись под Луной совсем один,

одумался и начал упрекать
себя, что Вис обидел он опять:

«Зачем я был суров, рассудок мой
наверно посмеялся надо мной,

зачем обидел Вис, я мчался к ней
не день, не два, а много, много дней».

Он зарыдал, кровь полилась из глаз,
он проклинал себя за свой отказ.

Чтоб время не терять, назад помчал,
догнал царицу, на колени пал,

сказал: «Прости, я нынче сам не свой,
я грешен тыщу раз перед тобой,

мне стыдно говорить, а мой язык
от страха задрожал, словно старик,

мне без тебя, поверь, спасенья нет,
хоть понимаю, мне прощенья нет».

Вис и Рамин и в этот раз опять
друг друга стали долго попрекать

тем, кто в измене больше виноват,
кого ждёт рай, ну а кого ждёт ад.

И вдруг заря окрасила восток,
и прекратила глупых слов поток,

и дьявол лжи, безумства и вражды
оставил их, спасаясь от беды.

А молодые, всё поняв теперь,
ушли к себе, в опочивальню дверь

они закрыли, улеглись в кровать
и всё с начала началось. Опять

они встречались во дворце тайком,
опять им было радостно вдвоём.

А Моабад на троне восседал
и ничего об их любви не знал.

Он думал, что Рамин в чужом краю
целует жарко женщину свою,

и в голову ему бы не пришло,
что счастье от него давно ушло,

и что Рамин теперь с его женой
романы крутит за его спиной.

Прошло два месяца, пришла весна,
любовью наслаждаясь уже сполна,

сказал Рамин: «Я прятаться устал,
спасибо, шах меня здесь не застал».

Он тайно выйхал ночью из дворца,
вернулся в полдень и послал гонца

с письмом к царю, мол, прибыл брат.
Обрадовался гостю Моабад,

велел впустить его и расспросил,
как на чужбине он с женою жил.

Рамин ответил: «Всемогущий шах,
пусть слава о тебе живёт в веках,

пусть имя вознесётся к небесам,
вольётся в уши истинным богам.

О как же я без родины скучал,
но я твоё желанье исполнял,

по твоему велению в Гурган
я ускакал, и я смирил Хойстан,

я уничтожил всех твоих врагов,
спокойно царствуй, будь всегда здоров.

Я погощу немного, а потом
вернусь в Гурган, в свой настоящий дом,

но если ты мне дашь другой наказ,
я выполню его и в этот раз».

Такая речь, такая похвала
понравились царю. «Твои дела, –

сказал он, – радостны вдвойне,
ты угодил своим стараньем мне,

а потому прими мой царский план:
живи, гуляй и не спеши в Гурган».

Рамин впитал полученный совет
и стал ему приятным белый свет,

катался он, как будто в масле сыр,
то с Вис любился, а то шах на пир

всех созывал, вино текло рекой
и были счастливы и трезвый, и хмельной.

76. Моабд едет на охоту

Нежданно и негаданно весна
пришла в Морав, и принесла она

с собой тепло, цветение цветов

и пенье бесшабашных соловьёв.

И небеса очистились от туч,
и воздух стал по-летнему пахуч,

и люди вылезали из жилищ,
ведь каждый будь богат он или нищ,

в такие дни стремится на природу.
Шах Моабад такой же был породы,

поэтому подстёгнутый теплом
решил на время свой покинуть дом.

Собрав войк и собственных вельмож,
сказал: «Устали отдыхать? Ну что ж,

готовьте лошадей, оружие, на днях
мы едем на охоту, – шахиншах

всех оглядев, спросил. – А где Рамин?»
«Не ведаем, не знаем, господин».

«Ну, хорошо, ему скажу я сам,
а то ещё он не поверит вам».

Узнала Вис, что во главе отряда

Рамин поедет вместе с Моабадом,

и слёзы горькие и жгучие тотчас,
как виноград, посыпались из глаз.

Кормилицу позвав, сказала ей:
«Хоть ты меня немного пожалей.

Шах Моабад готовится в поход,
с собой Рамина моего берёт.

Пусть ехал бы один, и пусть бы бог
ему погибель отыскать помог.

А мой Рамин хочу, чтоб был со мной,
мы б веселились с ним, а тот другой

пусть едет хоть куда, хоть сразу в ад,
там дьявол ему точно будет рад.

Иди к Рамину, так скажи ему
уедешь с Моабадом, то всему

конец придёт. Вернёшься ты домой
и поцелуешь гроб холодный мой».

Кормилица послушная была

Рамину все слова передала.

А тот и без неё сидел в слезах,
его уже проведаль шахиншах,

и сердце трепетало так от мук,
как будто в сеть поймал его паук.

Сказал он, успокоившись чуть-чуть:
«И я хочу остаться, что-нибудь

придумаю, быть может, Моабад
поверит мне, что у меня болят

и голова, и ноги, и спина,
что помощь мне от лекаря нужна.

Так Вис и передай». А на заре
едва лишь солнце встало, во дворе

собрались воины, проверил Моабад
их всех до одного из ряда в ряд,

и лишь Рамин из всех его бойцов
к походу оказался не готов.

«Что за дела, – вскричал великий хан, –

непослушанье иль опять обман,
иль снова заболел? Ну это не беда,
твои болезни – чушь и ерунда.
Возьми оружие, мы же подождём».
Что было делать? Словно с неба гром

сразил Рамина и ударил Вис,
он огорчился и совсем раскис,

весь белый свет стал для него не мил,
и шах с его охотою постыл.

77.

А Вис лежала трупом, как фазан,
которого на землю сбил сапсан,

она, рыдая, говорила так:
«Кормилица, один есть враг,

который моё сердце истерзал,
есть ржавчина ведь на любой металл,

найди же способ победить врага,
если ещё тебе я дорога,

взгляни, я не могу ни есть, ни пить,
я без Рамина не умею жить».

А вот на то кормилицы ответ:
«Я дам тебе, красавица, совет.

Бог на тебя глядит и день, и ночь,
и тоже хочет он тебе помочь.

А ты, увы, затеяла одно,
лицо твоё кислее, чем вино,

от слёз опухли и глаза, и нос,
на голове колтун вместо волос.

А нет бы придержала свою спесь,
ведь у тебя всё, что захочешь, есть,

Лицо твоё, как полная Луна,
в твоём распоряжении казна,

есть у тебя и мать, и милый брат,
любовник, муж великий Моабад

и главное, что у тебя есть трон,
тебя величием наделяет он.

Одна беда, любовь твоя грешна,
немало горя принесла она

тебе самой и всем твоим друзьям,
хоть женщинам, а хоть богатырям.

Одни из них челом бьют небесам,
чтобы всегда цвела твоя краса,

а кто-то тебя хочет извести,
чтоб не стояла ты на их пути.

Как лев, в засаде прячется твой муж,
он всё хитрит и вьётся, словно уж,

и перед ним в беде твоя семья:
ты и Рамин, и мать, и брат, и я.

А выход есть и он всего один.
Когда на троне сядет шах Рамин,

тогда и беды мимо нас пройдут
и больше на земле не станет смут,

цари примчат к Рамину на поклон,
и воины придут со всех сторон.

Вы сможете быть рядом круглый год
никто не помешает, а народ

вас будет помнить и ещё не раз
в стихах и песнях воспоёт он вас.

Ну, а пока используйте тот момент
пока в Мораве шахиншаха нет,

и войска нет, но есть зато казна,
так пусть тебе будет служить она,

на деньги Моабатовы страну
купи себе и можешь не одну,

для денег нет каких-либо преград,
останется ни с чем шах Моабат.

А вы же сбросите постылое ярмо,
Рамину только напиши письмо».

78. Письмо Вис к Рамину

Возлюбленный Рамин, любимый мой,
хоть я сейчас разлучена с тобой,

любовь моя по-прежнему жива

и это не обычные слова

какого там писаки рифмача.
Я жду тебя, пылая, как свеча,

но я страдаю больше, чем она,
поскольку не могу сгореть сполна.

Из глаз моих, будто из сотни туч
дождём льют слёзы, даже солнца луч

меня не греет и на сердце мрак
от выпавших на долю передраг.

Я думаю, ты не забыл мой лик,
светил он Солнцем, ты уехал, в миг

он почернел, словно из печки дым
и стан согнулся, сделался больным,

из глаз текут не слёзы – только кровь.
Вот так меня измучила любовь.

Я не надеюсь встретиться с тобой,
умру я скоро, кто-нибудь другой

тебя приветит, но любить как я

никто не сможет, ведь любовь моя

испытана уже десятки раз,
она прочней, чем сталь или алмаз.

Седлай коня и мчи скорей назад,
ты нужен мне, смотри, чтоб Моабад

тебя не обогнал, а то сюда
нагрянет с ним вселенская беда.

79.

Рамин в разлуке, как и Вис, ослаб.
Таким его застал прибывший раб

с письмом от Вис, и он затрясся весь,
узнав откуда прилетела весть,

а прочитав письмо, прижал к устам,
ко лбу и сердцу, к плачущим глазам.

Он так сказал: «Терпенье – это клеть,
я не хочу сидеть в ней, как медведь.

Желанье для меня теперь закон,
я нынче сброшу лицемерья сон,

довольно унижений, лишь врагам
они приносят радость, а я сам

любому, даже сильному врагу
доставить неприятности смогу».

Он понимал, кто друг ему, кто враг
и как к победе сделать нужный шаг.

80.

Когда уснуло солнце, а Луна
ещё не заблестала после сна,

Рамин покинул Моабатов стан
и поскакал в далёкий Хорасан.

Никто его не видел, кроме звёзд,
а те его не выдали, и пост,

что шахиншах поставил, проглядел,
Рамин его оставил не у дел.

Через неделю прибыл он в Морав,
проехал мимо шаховых застав,

собрал бойцов он из числа друзей

и к Вис гонца послал: «Скажи лишь ей,
что прибыл я, а ночью за дворцом
сledi, за тем, что делается в нём.

Мы в полночь встретимся, тогда решим,
что делать дальше, а пока спеши».

Надев наряд девический, гонец
вошёл как будто дама во дворец.

Вельможных жён ждала Вис на обед,
а также для веселья и бесед.

Момент он улучив открылся ей
и рассказал о миссии своей.

А во дворце был самым главным Зард,
министр первый, шахиншаха брат,

он был оставлен, чтоб хранить казну,
а также Моабадову жену.

Увы, он то и это просмотрел,
Рамин своих бойцов переделал

и словно женщин в замок их завёл

и ночью начал битву за престол.

Отважны были стражники дворца,
они сражались честно до конца,

они не продались и не сдались,
хотя ценой за славу стала жизнь.

81. Рамин убивает Зарда

Рамин ворвался в комнату, где Зард,
его родной одноутробный брат,

уже уснул. Услышав шум, вскочил,
он понял всё, к Рамину подступил

с мечом в руке. Рамин же в свой черёд
на шаг-другой продвинулся вперёд

и закричал: «Постой, опомнись, Зард,
не убивай меня, ведь я твой брат».

Но в ярости тот стал похож на льва,
швырял в Рамина грязные слова,

мол, ты предатель, лоботряс и вор,
жаль, что живёшь ещё до этих пор.

И он ударил яростно мечом,
Рамин сумел укрыться за щитом,

и сам тогда нанёс удар в ответ,
спасенья от таких ударов нет.

Кровь хлынула и рухнул Зард на пол,
на нём и смерть он быстрюю нашёл.

Рамин жалел, что умер его брат,
себя винил. Но не вернуть назад

то, что уже свершилось. Жизнь – борьба,
а побеждает всякий раз судьба.

Когда занялся день, Рамин на трон
воссел с царицей, начал править он,

затем велел сокровища казны
отправить караваном из страны,

и так, как говорится, в дураках
остался прежде важный шахиншах.

Рамин и Вис уже в страну Делама
приехали и поселились там,

чтоб войско набирать для ратных дел.
Рамин в Делама денег не жалел,

и золото текло из рук дождём,
и войско разрасталось с каждым днём.

И выросло настолько наконец,
что сосчитать не мог бы и мудрец,

как невозможно сосчитать песок
и листья на деревьях. А поток

желающих Рамину послужить
нельзя было плотиной перекрыть.

Когда о том проведал Моабад,
пришёл он в ярость и решил в сердцах:

«Сейчас же отправляюсь в Хорасан,
убью Рамина с Вис и разнесу Гурган».

Потом подумал: «Может выйти так,
что я с Рамином попаду впросак,

не каждый просто так пойдёт со мной,
ведь у меня ни драхмы за душой,

а вот Рамин и молод и богат,
служить такому каждый будет рад».

Неделю шах не ел, не пил, не спал,
а разум где-то в небесах витал,

и все же он решил начать войну,
вернуть себе богатство и страну.

82. Моабат погибает от клыков кабана

Ни хитрость, и ни опыт, ни мольбы
познать нам не помогут тайн судьбы,

её душа – потёмки, а ума
в ней больше, чем все книжные тома.

Ей всё равно любовь или вражда,
веселье, радость, горе иль беда.

А мы, порой, считаем, что судьбой
мы сами управляем. Боже мой

вся наша жизнь как караван-сарай:
сегодня прибыл, завтра уезжай,

и не дервиш не скажет и ни бек,
где будет новый у тебя ночлег.

Проходит день, за ним другой идёт,
никто не знает, что нас завтра ждёт,

один возвысится, быть может, а другой
унижен будет, как червяк, судьбой.

Шах Моабад, светило из светил,
казалось бы судьбу свою смирил,

словно коня, что ходит под седлом,
не обделён ни златом, ни умом,

но и ему его судьба, увы,
в тот раз не сохранила головы.

Пойдя домой, устроил он привал,
где до утра с друзьями пировал,

Дарил вельмож одеждой сплеча,
а воинов — оружием, меча,

копья и стрел, и луков не жалел,
понравиться он воинам хотел.

И вдруг из леса выскочил кабан:
клыки как сабли, брюхо – барабан.

Услышав сотни громких голосов,
он в страхе заметался среди шатров.

Все кинулись к нему и Моабад
сноровку показать был тоже рад.

Вскочил в седло он с дротиком в руках,
метнул его, но слабым был замах,

кабан к коню метнулся, как стрела,
и сбил его и выбил из седла

царя царей, и, как солдат клинки,
вонзил тому в живот свои клыки.

Так завершились Моабада дни,
судьбой были отмерены они,

и смерть бесславная, что принял шах,
была назначена давно уж в небесах.

83. Воцарение Рамина

Рамин узнал, что умер Моабад,
он горько плакал, но в душе был рад,

что Бог отвёл их с братом от войны,
что не погибли люди без вины,

что все желанья их – его и Вис
не чаяно, негаданно сбылись.

Рамин осыпал золотом людей:
вельмож, военных, а своих друзей

он одарил особо. Друг Бехроз
в подарок получил «столицу роз»,

так город Рей давно уже зовут,
когда-то Вис с Рамином жили тут,

спасаясь от беды. Брат Вис – Виро
возглавил войско, брат второй – Шеро

стал во дворце начальником большим,
Рамин всегда советовался с ним.

Амине – другу подарил Гурган,
Рохаму Басанели – Табарстан.

Дары Рамин закончив раздавать,
отдал приказ, пора, мол, выступать

на родину, в любимый Хорасан.
И вот за караваном караван

в Морав пошли, где новый шахиншах,
на трон воссев, прославился в делах.

Прославил и себя и весь народ,
который шаири* о нём поёт.

И как не петь, коль шахиншах Рамин
народу стал словно отец и сын,

он всех любил. Ты беден иль богат,
Рамину всё равно – ты друг и брат.

С тех пор, как стал он управлять страной,
мир распрощался с горем и войной,

но он всегда, в любой миг был готов
страну свою избавить от врагов.
И расцвела страна, и весь Восток
расцвёл под Солнцем, как лесной цветок.

На всей земле Рамин устроил рай,
в нём были счастливы бедняк и бай,

* Шаири - стихи

он возводил селенья, города,
при нём исчезла навсегда нужда,

народ и слово это позабыл,
поскольку шах всех золотом одарил.

Вис родила ему двух сыновей,
могучих, как отец богатырей,

прекрасных и разумных, словно мать,
умеющих любить и воевать.

И звали сына старшего Хоршед,
а младшего – любимчика – Джимшед.

И управлял Хоршед страной Хавар,
а младший управлял страной Бахтар.

Рамин же помогал чем только мог,
за что ему давал здоровье Бог.

Так пролетело восемьдесят лет,
Вис ослабела, силы прежней нет,

краса исчезла, стан похож на лук,
лишь смерть избавить помогла б от мук.

И небеса ущербную луну

призвали на постой в свою страну.

Душа Рамина тоже умерла:
«О дорогая, ты зачем ушла?»

Ведь не было нигде по всей земле
возлюбленной дорожке и милей.

И ты клялась мне в верности, жена,
а вот покинула меня, ушла одна,

из-за какого моего греха
твоя жизнь стала до того плоха,

что ты решила бросить этот дом
и поселиться во дворце чужом.

С твоим уходом радости ушли,
улыбки, смех ушли с тобой с земли.

Как примириться с мыслью: тебя нет.
Зачем теперь мне нужен этот свет?».

Рамин, убитый горем, мавзолей
воздвиг из золота жене своей,

а рядом с ним построил ещё храм,
чтоб люди славили царицу там.

Однажды на совет собрал он знать,
чтоб власть свою Хоршеду передать,

он сына усадил на царский трон,
сказал: «Теперь пусть правит он, –

добавил сыну, – я, сын, счастлив был,
я правил славно, мать твою любил,

прошу тебя, не забывай о том,
как честно жили мать твоя с отцом,

и если ты достойно будешь жить,
то Бог меня не сможет осудить».

Он всё сказал ему и под конец
надел ему на голову венец,

после чего зашёл он в мавзолей,
и больше не было о нём вестей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Вступление к повести о Вис и Рамине	3
2. Сказ о Вис и Рамине и о старшем брате Рамина шахе Моабаде	5
3.	9
4. Письмо, посланное кормилицей Вис к Шахро, матери Вис	10
5. Вис привозят из Хузистана в город Хамиан	13
6. Свадьба Вис и брата ее Виро и прибытие Зарда, посланца и брата Моабада	16
7. Шах Моабад отправляется войной на Виро	22
8. Великая война между шахом Моабадом и Виро	24
9. Здесь рассказывается об осаде Моабадом крепости Виро и передаётся речь Вис	26
10. Письмо Моабада к Шахро	32
11. Виро узнает о похищении жены и оплакивает её	36
12. Рамин влюбляется в Вис	37
13. Свадьба Моабада и Вис	40
14. Причитания и плач кормилицы о похищении Вис	41
15. Как Вис и кормилица сковали мужскую силу Моабада	46
16. Сказ о любви Рамина	50
17. Кормилица, покинув Рамина, приходит	

к Вис	56
18. Кормилица вновь приходит к Рамину	60
19. Кормилица расстаётся с Вис и в третий раз встречается с Рамином	65
20. Вис видит Рамина во дворце Моабада и влюбляется в него	68
21. Кормилица приходит к Рамину	71
22. Свидание Рамина и Вис	75
23. Моабад узнает о любви Рамина и Вис	79
24. Моабад увозит Вис и прибывает вместе с ней в Морав, что в Хорасане	85
25. Моабад отпускает Вис	87
26. Рамин отправляется к Вис	91
27. Моабад узнает, что Рамин встретился с Вис	93
28. Моабад возжигает костёр для клятвы Вис	99
29. Моабад отправляется на поиски Вис	103
30. Моабад возвращается в Морав и получает весть о Вис	105
31. Рамин и Вис в Мораве. Моабад радуется и пирует	111
32. Моабад отправляется воевать с греками и поручает Вис и её кормилицу своему брату Зарду	121
33. Вис оплакивает свою разлуку с Рамином	127
34. Рамин отправляется из Моравы в Ашкуптидеван, чтобы встретиться с Вис	130
35. Моабад узнает о встрече Рамина с Вис	133

36. Шахро оплакивает Вис	139
37. Моабад узнает, что Рамин встретился с Вис	149
38. Моабад приглашает Шахро и Виро и устраивает пир	155
39. Бего даёт Рамину хороший совет	158
40. Поучение, наставление и вразумление Вис шахом Моабадом	163
41. Вис и Рамин расстаются обиженные друг на друга	165
42. Рамин влюбляется в Гуль	170
43. Свадьба Рамина и Гуль-Розы	176
44. Письмо вероломного Рамина к Вис	177
45. Вис получила письмо Рамина	180
46. Вис заболевает от горя	186
47. Разговор Вис с Мишкином	188
48. Первое письмо Вис к Рамину	190
49. Второе письмо Вис к Рамину	192
50. Третье письмо Вис к Рамину	193
51. Четвертое письмо Вис к Рамину	194
52. Пятое письмо Вис к Рамину	195
53. Шестое письмо Вис к Рамину	196
54. Седьмое письмо Вис к Рамину	196
55. Восьмое письмо Вис к Рамину	197
56. Девятое письмо Вис к Рамину	298
57. Десятое письмо Вис к Рамину	199
58. Рамин вспоминает Вис	200
59. Рафед рассказывает дочери о вероломстве Рамина	202
60. Рамин встречает Адину	205

61. Письмо Рамина к Вис	206
62. Рамин приезжает в Морав	209
63. Ответ Вис	212
64. Снова Вис говорит с Рамином	214
65. Ответ Рамина	215
66. Ответ Вис	215
67.	217
68.	218
69.	220
70.	221
71.	224
72.	225
73.	226
74.	228
75. Как Вис и Рамин снова сошлись	229
76. Моабад едет на охоту	233
77.	237
78. Письмо Вис к Рамину	240
79.	242
80.	243
81. Рамин убивает Зарда	245
82. Моабад погибает от клыков кабана	248
83. Воцарение Рамина	250

